

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

В тихом
омуте

Ева

Виктория Платова

В тихом омуте...

«ЭКСМО»

1998

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Платова В. Е.

В тихом омуте... / В. Е. Платова — «Эксмо», 1998 — (Ева)

ISBN 978-5-04-089629-5

Могла ли подумать незаметная, тихая выпускница ВГИКа, которую даже друзья звали Мышью, что ее порносценарии, написанные ради «куска хлеба», вдруг обретут кошмарную реальность? Все в ее жизни становится с ног на голову – один за другим гибнут близкие ей люди, Мышь вынуждена скрываться. Но кольцо вокруг нее медленно, но верно сжимается. Выход только один – исчезнуть, залечь на дно и измениться. И вот серенькая Мышь «умирает», а вместо нее рождается восхитительная, пленительная, сводящая с ума всех Ева. Рождается, чтобы мстить... Все события и герои этого романа вымышлены, любое сходство с существующими людьми случайно.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089629-5

© Платова В. Е., 1998
© Эксмо, 1998

Содержание

Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Виктория Платова

В тихом омуте...

© Виктория Платова, текст, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Все события и герои этого романа вымышлены, любое сходство с существующими людьми случайно.

Автор

Часть I

...Первым погиб Иван.

Первым из нас троих.

Это была безобидная, легкая, мальчишеская смерть на пятом курсе ВГИКа, перед госэкзаменом по сценарному мастерству.

Пьяный Иван вывалился из общежитского окна на шестнадцатом этаже, забубенный сценарист, грузин на свою лучшую четверть, ленивый красавчик, единственный, кто любил меня...

Нет, мы никогда не спали вместе, но все пять лет были соавторами.

«Ты моя лучшая половина, – говорил Иван, роскошный, всегда чужой любовник, переспавший с каждой второй мало-мальски приличной самочкой во ВГИКе. – Ты моя лучшая половина, Мышь. Твое циничное тельце и мой циничный умишко составляют совершенный самодостаточный организм...»

Он всегда называл меня Мышью, и я сильно подозревала, что это – производная от «серой мыши». Мое настоящее лицо, как же иначе. Но, находясь под защитой Ивана, я могла не беспокоиться о красоте приговоренных к пишущей машинке и потому вечно стриженных ногтей; я могла не беспокоиться о своей дальнейшей судьбе – мне оставалось только интерпретировать его удивительные истории.

Байки, сюжеты и сюжеттики просто распирали Ивана – он был всего лишь на пять лет старше меня, но, казалось, прожил несколько жизней; это только со мной, унылой пай-девочкой, ничего такого не случилось, даже банального перелома ноги.

В фантазиях Ивана его родной пыльный Мариуполь представлял Чикаго тридцатых годов: там пили водку, курили анашу и кололись, там привозили какую-то диковинную контрабанду, там стреляли в ментов и друг в друга, там были стертые в кровь от поцелуев губы, там были двойные и тройные самоубийства и обязательное колесо обозрения в песках на берегу умиряющего моря. «А, главное, кетчупа побольше, – говорил Иван о кровавых финалах, – а для полного кайфу заезжего пидора-интеллекта, профессора-орнитолога замочим».

Он правил мои рукописи (к пятому курсу он перестал делать это, к пятому я была почти он), дописывая шариковой ручкой им же изобретенные маты, невозможно смешные, вызывавшие почти судорожную зависть курса.

Его бабы меня ненавидели. У меня, Серой Мыши, было исключительное право стирать его джинсы. «Ли Купер» на болтах.

Все остальные меня не замечали. Я была всего лишь второй строкой во всех его умопомрачительных сценариях. Но я ни о чем не жалела. Я не пожалела ни о чем ни на секунду.

Я смотрела на мир его глазами – вернее, мужскими глазами на мужской мир. Я знала, какие сигареты лучше курить и какие зажигалки лучше покупать, я знала, как оттягивать кожуцу на члене, когда занимаешься онанизмом, – поступательно-возвратными движениями; я знала, как уложить в постель любую женщину – мой взгляд на секс был сугубо мужским взглядом, циничным и зависимым от удовольствий одновременно.

...В конце третьего курса Иван приволок Нимотси.

Вообще-то Нимотси звали Игорь Истомин. «Нимотси» окрестил его Иван – Истомин наоборот. Но кличка удивительно шла Нимотси, тщедушному белобрысому типу с глазами больной птицы.

– Гений режиссуры, – отрекомендовал его Иван, – будет наш сценарий снимать, «Умереть молодым» который.

...Умереть молодым.

У Ивана получилось. Он сильно удивился бы этой своей нелепой смерти – выпасть из окна, на котором устроился покурить, ха-ха, – если бы был трезв. Но он не был трезв, и сердце его остановилось между шестым и пятым этажами.

– Предал нас, сукин сын, – сказал Нимотси. И уехал в морг вместе с голым мертвым телом Ивана, небрежно брошенным на носилки.

Нимотси вернулся через два часа и нашел меня там, где и должен был найти. Но я этого уже не помнила. Я не помнила, как с ведром и тряпкой ползала по асфальту и смывала потемневшую кровь Ивана – чтобы собаки ее не вылизали. «Ты понимаешь?.. Если так все оставить, то придут дворняги и вылизуют всю его кровь... Его кровь, понимаешь? Его...»

Нимотси надавал мне по щекам, чтобы привести в чувство, – вполне по-мужски. Иван никогда не бил меня.

– Поедем, – мягко сказал Нимотси, – Он ждет.

– Никто. Никто не ждет.

– Он. Иван.

Сердце мое остановилось, в груди стало так невыносимо больно, что захотелось разом избавиться от этой боли. Я ударила головой о плиты, которые еще помнили кровь Ивана.

Нимотси поднял меня и крепко сжал.

– Прощальная ночь... Прощальная ночь, слышишь? Ты, я и он. И больше никого. Он ждет...

...Никогда до этого я не была в морге – может быть, поэтому не испугалась: ни небрежной, полустертой таблички на металлических дверях, ни стен, выкрашенных грубой охрой, ни тусклых аварийных лампочек в сетках.

Я не испугалась, просто у меня не было сил, я присела на корточки у самой двери, хотя в двух шагах стояли три спаренных деревянных стула – как в дешевеньком кинотеатре.

– Я сейчас, – сказал Нимотси, уверенно двинулся по коридору и уверенно толкнул одну из дверей – третью от входа. Спустя минуту он появился с маленьким лысым человеком в грязном халате. Вдвоем они пошли в глубь коридора – долго, очень долго, – который раз за сегодняшнюю ночь я попыталась спрятаться за закрытыми веками.

Сейчас мне это удалось, бедной сиротке.

Я слышала скрежет открываемой двери – зашли и вышли, – невнятные голоса; скрип колес каталки, режущий по сердцу звук проворачиваемого в замке ключа.

– Спасибо, отец, – голос Нимотси звучал теперь явственнее, – спасибо, что понял... Дай бог тебе...

Мимо проплыл тяжелый формалиновый запах – маленький лысый человек коснулся моего лица полкой грязного халата. И вышел – с тремя бутылками водки.

Нимотси не было.

Я боялась выйти и боялась остаться. Я даже не могла понять, сколько времени в действительности прошло.

Наконец Нимотси появился – выскользнул из какой-то двери, как раз между двумя ударами моего нехотя бьющегося сердца.

Он осторожно поднял меня, на секунду задержав в руках.

– Пойдем...

...Это была маленькая комнатка, видимо служащая подсобкой. Окно, густо замазанное белой краской, такие же, как в коридоре, спаренные стулья, металлический шкаф, еще один – стеклянный; медицинская посуда на обшарпанном столе, вешалка с несколькими халатами, обтянутая дерматином кушетка.

На полу было разложено тонкое одеяло.

Черный хлеб, водка и огромные венгерские яблоки. Граненые стаканы.

На полу, прислоненный к кушетке, сидел Иван.

Нимотси крепко держал меня – он боялся, что я потеряю сознание.

Я не потеряла. Я стояла и смотрела на мертвого Ивана. Он был в своем лучшем костюме, который я гладила тысячу раз. И босой. Голые твердые Ивановы пятки лезли мне в глаза. На большом пальце ноги болтался матерчатый номерок.

– Я думала, у него лицо разбилось. – Только на правой щеке у Ивана была содрана кожа – почти так же, как на моей коленке в детстве, когда я свалилась с почти взрослого серьезного велосипеда «Орленок».

– Затылок стесало, – шепотом пояснил Нимотси, – непонятно почему... А лицо вот почти не задело.

Трудным был только первый шаг. А потом я пересекла комнату и опустилась на колени перед мертвым Иваном. Коснулась рукой его содранной щеки.

– Мне нужно много сказать тебе... Ты и сам виноват, никогда не давал мне даже рта открыть... – Я взяла Ивана за руку – мягкую и неожиданно податливую.

– Осторожно, – предупредил Нимотси. – Кости-то ему все раздробило...

– Выйди, – попросила я Нимотси.

– Нет.

– Ну и черт с тобой... – Я снова обратилась к Ивану: – А у тебя седой волос, я вижу... Паршиво быть брюнетом... Я тебя люблю, что скажешь?... Мы теперь равны, мы теперь очень похожи, ты не находишь?

Нимотси плеснул водку в стаканы: два были наполнены до краев, один лишь на четверть.

Наполненный на четверть он вставил в руку Ивану:

– Извини, старик, много не наливаю, ты сегодня уже достаточно выпил. Держи, Мышь!

Он протянул мне один стакан, а сам взял другой.

– Знаешь, что сказал бы сейчас этот сукин сын? Одну простую вещь: «Поставьте-ка мне любимую вещь мою... Рея Чарльза, «Скатертью дорога, Джо»... И – хули тянуть, когда водка налита. Выдохнется!..

Я проглотила водку, не чувствуя ее вкуса.

– Лихо! – Нимотси отобрал у меня пустой стакан и одобрительно похлопал по плечу. – Ему бы понравилось. Закуси!..

Он протянул мне яблоко, но я только замотала головой; кураж, вот чего мне всегда не хватало. Ему бы действительно понравилось.

– А теперь мы... – Нимотси никогда не пил водку – он вырос в Средней Азии и спокойно существовал по принципу: «Лучшая водка – это анаша». Но сейчас было другое дело, и стакан Нимотси стукнулся со стаканом Ивана: – За тебя, скотина, хотя ты этого и не заслуживаешь!

Он осилил только половину, закашлялся и выплеснул оставшуюся жидкость через плечо.

– Продукт переводишь, – сказала я с надменными интонациями Ивана в голосе, – ему бы не понравилось.

– Поучи жену щи варить, – огрызнулся Нимотси и хрустнул яблоком, – тоже мне...

Сквозь верхнюю, незакрашенную часть окна проникал безразличный свет от уличного фонаря; наверное, сейчас мы были как никогда похожи друг на друга – все трое; все живые и все мертвые.

– Ну что, – искушала я Нимотси, – между первой и второй перерывчик небольшой? Давай, обслужи нас...

Быстро хмелеющий Нимотси снова разлил водку – полные стаканы – и добавил чуть-чуть в стакан Ивана.

– Обновим... Кстати, родился спонтанный тост.

– Давай спонтанный! – Я не успела испугаться того, что мне стало весело; смазанная ссадина на щеке Ивана смазалась еще больше.

Нимотси поднялся на неверных ногах, сделал несколько шагов к Ивану – венгерские яблоки, задетые носком его ботинка, разлетелись как бильярдные шары – и плюхнулся рядом с ним, обнял рукой безжизненные плечи Ивана.

Мне тоже вдруг до смерти захотелось коснуться мертвой плоти Ивана, я на секунду возненавидела Нимотси за то, что ему первому пришла в голову эта мысль – сесть и обнять... Я всегда, всегда была второй...

Нимотси выпил водку полностью – во второй раз ему это удалось.

– Никогда тебя не прощу, никогда, – голос его раскачивался, ударялся о стенки моей бедной головы, – ты поступил как скот. Сдался, свалил, бросил все к ядреной фене... Говно ты, а не мужик... Думаешь, хлопнул дверью и выиграл?! Такой ты крутой и офигительный?.. Все наши планы псу под хвост только потому, что в твою дурную башку пришла оригинальная мысль сдохнуть... Ну и хер с тобой!..

– Заткнись! – глухо сказала я. – Он ничем тебе не был обязан!

– О! Это еще кто говорит? – Нимотси переключился на меня: – Пустое место, жалкая копия, писаришка при мелком мариупольском царьке... Да ты никто! Ты только посмотри на себя, кого ты можешь интересовать сама по себе? Пристроилась к подонку – он тобой как хотел вертел... Мозгов только и хватало, чтобы носки его вонючие стирать...

– Это у тебя вонючие носки! Ты сам без него был ноль... Сидел в жопе и будешь сидеть! Ни хрена не делал, думал, что он на твою режиссуру сраную горбатиться будет до скончания веков... Деньги выбивать для твоих фильмов... Я его любила, мне ничего не было нужно...

– Врешь!

– Ничего не было нужно... А ты его использовать хотел... Ты, как вампир, из него идеи сосал...

– Ты бы тоже рада была сосать... сама знаешь... Только не вышло у тебя ничего...

– Посмотрим, как ты теперь один справишься...

– Посмотрим, посмотрим... На тебя тоже посмотрим!..

Я плеснула свою невыпитую водку в лицо Нимотси. Она попала в Ивана – здорово же мы надрались за полчаса... Капли скатывались по лицу Ивана – одна за другой, от глаз к подбородку, – и он ничего не мог поделать с ними. С ними и с нами, бред какой-то... Я должна была защитить его, я всегда хотела это сделать, но Иван ни разу не дал мне повода защитить. Защитить его – разве это не главное?..

На коленях я подползла к нему совсем рядом; и в ту же секунду поняла, что прежнего Ивана нет, все запахи его исчезли. Запахи, которые я так любила, – кожи, волос – немного терпкие, замешенные на южном городе, в котором я никогда не была.

– Сейчас, сейчас... – Я начала аккуратно вымакивать водку с лица Ивана.

Нимотси отчаянно и зло зарыдал. Слушать это было невыносимо.

– Пожалуйста, не надо...

– Пожалуйста, прости меня, – попросил Нимотси, – простите меня...

Я обняла их двоих – мертвого Ивана и живого Нимотси; Нимотси вцепился в мое плечо.

– Я не прав... Я... Я не знаю, что делать... Прости меня!

– Ничего.

– Как вы можете пить эту отраву?.. Слушай, Мышь, меня мутит, – язык Нимотси заплелся, – плохо мне... И голова, как елочная игрушка, к ядреной фене колется...

– Иди проблюйся!

– Не могу... Я встать не могу, в натуре! Сейчас стошнит!

Нимотси на коленях пополз к двери.

Через минуту я осталась с Иваном одна.

– Во всяком случае, ты не обманул... Ты не бросил. – Я дотронулась кончиками пальцев до холодных губ Ивана – так всегда делал он. Иван не ответил на это касание, остался безучастным – так всегда поступала я. – Ты был со мной до самого конца...

Время остановилось.

Я стала целовать его лицо – уже похолодевшее; брови, почти сросшиеся на переносице, жесткие ресницы, содранную кожу щеки, губы... Вот только приоткрыть их поцелуем я так и не решилась. «Даже целоваться толком не умеешь, эх ты, Мышь», – сказал бы сейчас Иван.

Но он не сказал и никогда больше не скажет – и сердце мое стонало от безысходности происшедшего.

– Боже мой, как же я люблю тебя...

– Я тоже...

Я вздрогнула.

– Я тоже люблю тебя, – это был вернувшийся Нимотси.

– Легче стало? – Я не оборачивалась.

– Относительно. – Он оторвал меня от Ивана, обнял за плечи сзади и ткнулся лицом мне в волосы.

И мгновенно заснул.

Не знаю, сколько я просидела так, согреваемая горячим дыханием Нимотси и близким холодом Ивана.

Потом поднялась – Нимотси сразу же свалился как сноп, – как сомнамбула, подошла к вешалке, сняла один из халатов и накрыла им спящего Нимотси.

Вернулась к Ивану и положила голову ему на колени – теперь я видела его подбородок со вчерашней щетиной. Иван умер, а щетина его продолжала расти – от этого можно было сойти с ума.

Но я не сошла с ума, я тихо заплакала.

– Где ты сейчас? – жалобно спросила я Ивана, только чтобы не оставаться одной. – Смотришь на свою дуру-Мышь откуда-то сверху, да? Смешно выглядит?.. Выдадут тебе пару крыльев и арфу в придачу... Но ты-то уж точно их пропъешь и совратишь армию невинных ангелочков... Черта с два, я совсем забыла, что ты разнузданный атеист!

Я взяла руку Ивана в свои руки. Скоро она согрелась в моих ладонях и я согрелась возле Ивана.

– Ты когда-то обещал мне сногшибательную ночь, по-моему, ты и здесь не соврал, а? Только я никогда не думала, что она будет такой... А вот лежу, сшибленная с ног и в твоих объятиях. Ну, давай, Иван, похвали меня за чувство юмора... Что ты там еще говорил – «только молодость имеет право на существование»? Ладно, ладно, я не буду плакать... Я буду только любить и очень скучать по тебе...

* * *

...По мастерству мне поставили «отлично» – как же иначе. В память о талантливом, перспективном, много обещавшем, самом лучшем на курсе и так безвременно ушедшем – именно в таких выражениях распинаясь об Иване столпы отечественной драматургии, присутствующие на госэкзамене.

«Во всяком случае, Иван, у тебя не будет проблем с трудоустройством», – мысленно шепнула я Ивану и улыбнулась.

В ресторан, на прощальный курсовой банкет, я не пошла.

ВГИК закончился.

* * *

...После этого были еще два года стажировки на «Мосфильме». Меня, как самую безответную, сунули в редактуру одной из занюханых мосфильмовских студий. Я добросовестно отсидела на нескольких картинах, хотя ни разу не попала даже во второстепенные титры.

Я перевидела множество режиссеров и еще больше – актеров: от живых классиков («полуживых классиков» обязательно вернул бы Иван) до безобразно повзрослевшей Красной Шапочки из культового фильма моего детства. Я нигде не засветилась и не написала ни строчки.

Нимотси так и не защитил диплом; он периодически пропадал и возникал снова. Наши отношения после смерти Ивана приобрели какой-то странный характер – мы не могли существовать друг без друга и в то же время безумно друг друга раздражали – полным отсутствием вкуса к жизни и засевавшей глубоко в подкорке мыслью: все было бы по-другому, если бы Иван был жив...

В складчину мы сняли комнату в маленькой квартирке на Автозаводской – у глухой старухи Элины Рудольфовны. Самым примечательным в старухе была ее кошка Соня, страдавшая своего рода кошачьей нимфоманией и напропалую занимавшаяся своего рода кошачьим онанизмом.

Иногда она не давала нам спать целыми ночами. «Завидую кошачьему темпераменту, – резюмировал тогда Нимотси, залезая головой под подушку. – У вас, у баб, одно на уме».

За все это время у меня не было ни одного мужика, если не считать угарной пьяной ночи, проведенной с племянником Элины Рудольфовны – казачьим есаулом Михой из Нальчика, – Миха приезжал в Москву по делам своего опереточного казачьего войска. Не было даже самого завалешего романа. Я не представляла интереса даже для мосфильмовских осветителей и ассистентов операторов, за которыми прочно закрепилась слава терминаторов, трахающих все, что движется и излучает тепло.

Нимотси целыми днями валялся на продавленном хозяйском диване, покуривал анашу и читал Себастьяна Жапризо. Растительная жизнь его вполне устраивала.

«Мой рододендрон», – называла я его.

«Моя жертвенная коза», – называл он меня.

Со страной происходили немыслимые вещи, после путчей, восстаний, финансовых пирамид она становилась другой. Становилась другой и Москва – но все это проходило мимо меня; время уходило, как песок, сквозь пальцы, мне оставалось лишь терпеливо ждать собственного конца.

После сошедшей на нет стажировки я устроилась в видеопрокат, Нимотси откуда-то приловок видеомагнитофон – и жизнь наша как-то упорядочилась.

Я приносила с работы кассеты, и целыми ночами мы с Нимотси смотрели все подряд, иногда устраивая склоку из-за фильмов: я пошло обожала мелодрамы, но с обязательным счастливым концом, Нимотси же тихо млел от боевиков и фильмов ужасов.

Он вдруг возненавидел серьезный кинематограф, большие режиссерские имена вызывали в нем приступы глухой ярости – в такие минуты я жалела его, маленького, талантливого человека, не справившегося со своей судьбой.

Один раз кто-то из далекого киношного мира вспомнил о нем, о его фильме, получившем когда-то Гран-при, – нам даже позвонили, но Нимотси откровенно выматерился в трубку под надсадный рев жаждущей ласки кошки Сони.

Больше звонков не было.

Пора увлечения Жапризо прошла – теперь наша комната была завалена дешевыми детективами в глянцевых обложках. Нимотси беззастенчиво их крал на развалах и в ближайшем

букинистическом. Плохая литература и плохое кино утешали Нимотси. Я же ничем его утешить не могла, кроме постоянной навязчивой игры в фильмы – теперь мы постоянно разговаривали фразами из попсового американского кино, ловя друг друга на неточностях – в этой игре я всегда уступала Нимотси.

А потом он вдруг исчез – не сказав ни слова, я просто не нашла его на продавленном диване. И это в тот самый момент, когда в наш прокат забросили «Водный мир» с Кевином Костнером – фильм, который Нимотси давно и безнадежно собирался посмотреть.

...Нимотси появился спустя две недели, среди ночи, – с двумя бутылками мартини и целым пакетом бестолковой дорогой еды. На Нимотси было дорогое новое пальто и пижонское кашне. Только ботинки были старые, но все такие же сногшибательные.

Нимотси плюхнулся в них на диван – на покрывало сразу же натекли грязные лужи, – закинул руки за голову и с пафосом произнес:

– Ну, целуй меня, Мышь, раба божья! Появился свет в конце тоннеля!

– Я пока не вижу.

– Нет, ты не просто Мышь, ты слепая летучая Мышь! Я получил предложение!

– Не иначе от Спилберга.

– Дурища, если бы я получил предложение от Спилберга, то принес бы кампари. Соображать надо.

– Поздравляю.

– Это я тебя поздравляю. Ты тоже в деле.

В коридоре выла кошка Соня.

– Ну, доставай наши жестянки, обмоем. И со жратвой сообрази чего-нибудь, а я сейчас.

И, пока я тупо разглядывала замороженных мертвых креветок, исчез. После недолгой подозрительной возни хлопнула входная дверь.

Нимотси появился спустя час. Все руки его были в страшных царапинах.

– Вот курва, – выругался Нимотси, – все руки испохабила... Есть у нас что-нибудь антисептическое?

Это был праздный вопрос, потому что из всех медикаментов у нас имелись анальгин, активированный уголь и горчичники.

– А что у тебя с руками? – я заподозрила недоброе. – Ты что...

– Именно, – сразу развеселился Нимотси. – Завез эту суку-кошку к чертовой матери в Свиблово. Я об этом целый год мечтал.

– Ты с ума сошел! – Старуха Элина Рудольфовна любила Соню-нимфоманку до самозабвения. – Она же нас выгонит... Она же на нас в суд подаст!

– И хер с ней! Ты теперь в этом гадюшнике не живешь. Я получил работу, понимаешь?! Завтра сваливаем отсюда к чертовой матери...

– В Свиблово?

– На метро «Аэропорт». Я там квартиру снял. Как тебе метро «Аэропорт»?

– Решил влиться в стройные ряды отечественной кинематографии? – Метро «Аэропорт» славилось обилием живущих там киношников.

– Ни боже мой! Вливаться будешь ты. А я завтра улетаю. В Грецию, между прочим. Ты сидишь на хате, строчишь сценарии, то есть занимаешься своими прямыми обязанностями... Тебя же пять лет учили чему-то.

– А что писать?

– Сначала хряпнем по маленькой, а потом я тебе скажу. – Нимотси проворно разлил мартини по стаканам: – Ну за нас с вами и за хрен с ними!

– Рассказывай, – потребовала я.

– Видишь, мы без него обошлись. – Нимотси сосредоточенно слизывал кровь с израненной руки. – И без его дамочек, и без его стратегии сраной!..

Все это относилось к давно умершему, но все еще неизжитому Ивану, к которому у меня не осталось ничего, кроме смутной любви оставленной женщины, а у Нимотси – ничего, кроме смутной ненависти поверженного соперника. Но это были единственные чувства, в которых мы нуждались, – единственные в нашей теперешней унылой, как стоячая вода, жизни.

– А я тебе «Водный мир» принесла, – вовремя вспомнила я про воду.

– В гробу я видел твой «Водный мир», – сказал Нимотси, но ассоциации по поводу воды у него тоже возникли. – А вот эти бледного вида морепродукты очень даже ничего, кто бы мог подумать. – Нимотси обсосал креветку и выплюнул слюдяной смятый панцирь. – Нет, все-таки в природе первоначального накопления капитала есть своя неизъяснимая прелесть, ты не находишь?

Я не находила. Только вчера, к неизбежной тоске и ужасу, у меня увели потертую сумку с видеопрокатными залогами и кассету секс-мультишек в придачу – об этом я не преминула пожаловаться стремительно обуржуазившемуся Нимотси.

Нимотси покровительственно захохотал и вытащил из кармана пальто (я тут же поняла, что пальто это, верный соратник сногсшибательных ботинок, никогда не будет сниматься) мятые, скатанные в комок купюры.

– Сколько у тебя долгу, галошница?.. Ну, здесь хватит, сколько бы ни было...

– Ты бы снял пальто, не в чуме, – посоветовала я.

– Не могу, – с интонациями пятилетней давности пропел Нимотси, – у меня подмышки вонючие. А насчет секс-мультишек – можешь заказать кассету. И что-нибудь из жесткого порно.

– Ты с ума сошел! У нас благопристойный видеопрокат: женщины с детьми и профессура с ризеншнауцерами – основной контингент. Так что самое жесткое порно – это «Волшебная лампа Аладдина». А что это тебя на порно потянуло? Решил наконец излечиться от импотенции, чтобы провинциальных актрисулк на пробах трахать?

– А я уже излечился. Разве твой покойный гуру не сказал тебе, что большие деньги всегда сексуальны?

– Не дожил до больших денег, потому и не сказал.

– А мы вот с тобой дожили, коза моя жертвенная! Не придется тебе больше крупами питаться и сырой морковью! Мы в работе, да еще в какой! – Нимотси хлопнул мартини и быстро заговорил: – Снимать будем жесткое порно с садомазохистическими вариациями – ну, плеточки там из кожи, жилеточки черные, ой-ой-ой, шапчонки гестаповские, наручники, не мне тебя учить... Плеточки лучше со свинцовыми наконечниками – чтобы в кровь нежную спинку любовников... И не вздумай возражать!

– Вздумаяю.

– Так и знал... – Нимотси отправил в рот несколько еще теплых трупиков креветок. – Так и знал. Ты ханжа, Мышь. «Вздумаю, вздумаяю», а сама в порножурнал вашей сумасшедшей эстонки писульки пописывала.

Это была правда. Два года назад денег не было вообще, Нимотси же хотел есть каждый день, и я согласилась на предложение Сирье Рауд, томной, немного заторможенной однокурсницы крутой лесбиянки Алены Гончаровой, моей неизменной соседки по общежитскому блоку.

Сирье издавала в Таллине русскоязычный псевдоэротический журнал «Вадим» – для него я и писала что-то вроде новеллок. Рассказы были безобидные, даже слово «член» в них стыдливо опускалось, – так, почти стерильные вариации на тему хорошо вымытых тел, идеально подходящих друг к другу.

– Во-первых, журнал был эротический, – почему-то покраснев, начала оправдываться я, – а эротика и порнография – это две большие разницы.

– Но описываемый процесс одинаков, – резонно заметил Нимотси. – И оргазм наступает в любом случае. И даже множественный. Так что держи ключи.

И он опустил в мой стакан с нетронутым мартини два ключа на кольце.

– Один от парадного, другой от квартиры, не перепутай. Второй этаж, железная дверь, цифирька «десять» вверху. «Десять», не забудь. Говорят, в этом доме Фазиль Искандер живет, еще не почивший классик. Так что будете в унисон пишмашинки насиловать – он для вечности, а ты для низменных страстей. Он – свое, ты – свое.

– Что – «свое»?

– Да порносценарии, – потеряв терпение, грубо сказал Нимотси. – И позабористее. Чтобы кровь и сперма стыли в жилах и каналах!..

– Не могу. Это извращение.

– А в занюханном видеопрокате сидеть, в продуктовом магазине – между огурцами и кильками в томате – это не извращение?!

Я молчала.

Я почему-то думала о кошке Соне, завезенной в пролетарское Свиблово; о старухе Элине Рудольфовне, для которой эта несуразная кошка была единственным близким существом, – я словно подсматривала в растрескавшееся мутное зеркало моей будущей жизни с обязательной кошкой, грелкой и китайскими магнитными стельками от всех болезней в финале.

– Ну?! – дожимал меня Нимотси. – Решайся! Бабки просто фантастические, как подумаю – волосы вовнутрь расти начинают во всех местах.

– За порнуху – и фантастические деньги? – кобенилась я.

– За садомазохистическую порнуху с обязательными ритуальными убийствами в финале – это обязательное условие. Кровища должна залить две трети экрана. Филиал мясной лавки – по настоящей просьбе заказчика. Все остальное, включая сюжет, – полет твоей безудержной фантазии.

– «Безудержной фантазии» – это сильно сказано. Если учесть, что в моей жизни было только два не совсем трезвых мужика, все это длилось несколько минут и не отличалось дивной гармонией ощущений.

– Тем лучше, – оптимистично заметил Нимотси. – Никаких клише, никакой накатанной колеи, твори, выдумывай, пробуй. Я вообще сильно подозреваю, что «Камасутру» соорудили евнухи. Не будь дурой, в коитус веки бабки в руки плывут – и из солидной конторы, между прочим.

– Судя по всему, – я еще раз критически осмотрела новый прикид Нимотси, не нашла в нем изъянов и дала слаbinу, – только как ты со своими кинопринципами на это согласился?

– Ну, я всегда был сторонник зрелищного кино для широких трудящихся масс, так что здесь никакого противоречия. А если кто-то тебе скажет, что порнуха – это незрелищно и недемократично – плюнь в его лживые зенки. Все занимаются порнографией – сиречь соитием – в каждой ячейке нашего многострадального общества.

– Я поверить не могу, что ты под этим подписался!

– А я – что ты! Ты ведь подписалась! – Он меня просчитал, сукин сын Нимотси. – Хотя справедливости ради нужно заметить, что, если бы увидел меня сейчас любимый режиссер Евгений Матвеев, он бы в гробу перевернулся.

– Евгений Матвеев жив, слава богу, – поправила я; я всегда исподтишка следила за бурной кинематографической жизнью. – И потом, если память мне не изменяет, твоим любимым режиссером всегда был Чарли Чаплин.

– Все меняется, Мышь, включая привязанности и вкусы, только ты остаешься неизменной. Ты – это показатель общей дегенеративной стабильности человеческого чернозема. – Он поднял стакан: – За тебя! Я уверен был, что ты клюнешь и с крючка не сорвешься.

Я выпила martini – не чокаясь, поминая так неожиданно почившую в бозе стерильную жизнь работницы видеопроката, – и достала из стакана ключи:

– Этот от подъезда?..

Нимотси, оставшийся верным своей новой роли дьявола-искусителя, сгонял за самой дорогой водкой. Мы пили всю оставшуюся ночь, в конце которой я пообещала Нимотси проштудировать де Сада, Мазоха, Лимонова, гепатитные порногазетенки и немецкую атлетическую порнофильму.

Я заснула на мягких коленях Нимотси – ткань нового пальто действительно была восхитительной – с хрустальным звоном в бедной пьяной голове. И мне впервые за пять лет не приснился Иван – он отпустил меня: бесцветная сиротка наконец-то приняла хоть какое-то самостоятельное решение и больше не нуждалась в опеке.

Утром, под проклятия и плаксивые причитания старухи Элины Рудольфовны, мы съехали с Автозаводской навсегда.

* * *

...Квартира на метро «Аэропорт» оказалась довольно симпатичной: ее сдала Нимотси обнищавшая вдова какого-то крупного советского академика. Из комнат еще не выветрился пыльный математический дух, за стеклами книжных шкафов погибали в неизвестности труды по высшей математике, квантовой физике, космогонии и теории бесконечно малых величин.

Я дополнила это благородное собрание отвратительными книжонками в мягких и жестких переплетках, я перестала краснеть, покупая у метро подметную полиграфическую продукцию с бодрыми силиконовыми грудями на плохо пропечатанных разворотах.

– Не ленись, смотри видак, – напутствовал меня улетавший рейсом Москва – Афины Нимотси. – Если будет тошнить – технология простая: два пальца в рот, и все проблемы. Я на тебя надеюсь, Мышь. Заверни что-нибудь позабористее, я же за тебя поручился.

Мы сидели в баре аэропорта Шереметьево второй час – у Нимотси была провинциальная привычка приезжать к месту назначения задолго до отправления транспортных средств.

– А сам-то ты готов? – участливо спросила я.

– Как пионер к борьбе за дело... И потом, ты же знаешь, что технология двух пальцев у меня отработана. Говно в организме долго не задерживается, поскольку сам организм говно – по теории отталкивания одноименных зарядов, как в профессорских книжках... Я, кстати, у нашего покойного профессора-академика книжонку прихватил по квантовой механике.

– Господи, ну зачем тебе квантовая механика?

– Дело не в механике, а в незыблемости формул. Посмотришь, как они стоят, стройненькие, румяненькие, с офигительным чувством собственного достоинства, – и сразу хочется петь и смеяться как дети.

– Может, еще не поздно отказаться? – вдруг спросила я.

– Поздно, – обреченно ответил Нимотси, скрипнув зубами. – Поздно, будь все проклято! Вот не думал я, что именно для этого рода деятельности родила меня моя многострадальная мама.

– Но ведь эта работа не навсегда...

– Очень на это надеюсь. Тебе мужик позвонит, Александром Анатольевичем звать. Отдавать сценарии будешь ему.

– Редактор, что ли? – высказала наивное предположение я.

– Ага. Судя по рэкетирской репе. Ему бы только горячим утюгом по предпринимательским животам елозить, бабульки выколачивать.

– Ты меня пугаешь, Нимотси...

– Ага. «Страх съедает душу». Чей фильм?

– Фассбиндера. Райнера Вернера.

– Молодец, нюх не потеряла... Я сам боюсь, но ужасно хочется по вечерам морепродукты трескать. Каждый божий день.

Мы долго стояли у таможенного пропускника. Нимотси обнял меня и накрыл лапами пальто. От него пахло мерзким, почти женским потом. Я вдруг почувствовала, что и этот запах, один из немногих запахов других людей в моей жизни, уходит от меня надолго, может быть, – навсегда. Если Нимотси и вернется – то вернется другим, иначе какой смысл возвращаться?.. Я подумала о том, что всегда остаюсь, остаюсь на месте, вне зависимости от контекста событий. И если мертвому Ивану вдруг придет шальная мысль вернуться в этот мир, то он найдет меня там же и такой же, какой оставил, разве что я буду закрашивать седину дешевой копеечной хной... Я еще крепче прижалась к Нимотси и закрыла глаза.

– Надо же, – извинительным тоном прошептал Нимотси, – взопрел весь, как мышь перед линькой.

– Мыши не линяют.

– Много ты знаешь, энциклопедистка!

– Про мышей – много.

Он крепко сжал меня и ткнулся лицом в волосы. Потом порылся во внутреннем кармане пальто и достал маленькую любительскую фотографию:

– Вот. Это тебе. У меня их две было. Одну себе оставляю, как память о нас, дураках. Чую, что больше ничего от нас в памяти истории искусства не останется, кроме этой любительщины.

Поборов искушение и не взглянув на фотографию, я сунула ее в карман плаща – сейчас главным был Нимотси.

– Ну, – улыбнулся он, – похристосуемся, что ли, Мышь? По-нашему, по-порнографически?..

Он крепко поцеловал меня в губы – так неожиданно, что я ответила на поцелуй. Губы у Нимотси оказались умелыми и такими же женственными, как и ненавязчивый запах пота, – боже мой, я прожила рядом с ним семь лет и даже не знала этого. Сердце у меня упало.

– Надо же, не знал, что ты так хорошо целуешься. – Нимотси с трудом оторвался от меня.

– Я тоже...

– Поднаторею в технике и вернусь.

– Надеюсь. Надеюсь, что вернешься... Если не соблазнишься какой-нибудь развесистой греческой смоковницей.

– Я буду скучать по тебе.

– А я буду приветы тебе передавать. В каждом сценарии. Цепочка на щиколотке главной героини как фирменный знак, идет?

– Угу-угу... «Она ему приветы слала – на радость гомикам из зала».

– Из какого зала?

– Из зрительного.

– Лихо! Сам сочинил?

– Ну не Гомер же, в натуре!

– Иди. Тебе пора, – я легонько подтолкнула Нимотси, выскользнув из его пальто, – будет настроение – черкни пару строк.

– Я лучше кассету пришлю.

– Тогда не надо.

– Не бойсь – никаких обнаженных окороков, грудинок и голяжек. Сугубо на фоне Акрополя.

– Ну, если на фоне Акрополя – то можно, – разрешила я.

Нимотси закинул сумку на плечо и направился к таможенникам. Он не оглянулся, только поднял правую руку и помахал в воздухе кончиками пальцев.

– Какой фильм? – напоследок крикнул он.

– «Кабаре»! – тоже крикнула я. Нам обоим нравился этот дивный финал с прямой спиной Лайзы Минелли и ее лихо покрашенными беспросветно зелеными ногтями и рукой, поднятой в последнем приветствии. – Счастливо тебе!..

...Я достала фотографию в стильном аэропортовском автобусе. Ну, конечно, это была именно она: середина пятого курса, я, Иван и Нимотси, сфотографированные оказавшейся под рукой Аленой Гончаровой: пьяные лица, трезвые глаза, время увлечения Томом Вейтсом и Реєм Чарльзом – «Скатертью дорога, Джо!»...

Я приехала домой с относительным миром в душе, педантично вымыла посуду, завалилась на диван и включила немецкое порно. Это было неплохим учебным пособием, но действовало на меня усыпляюще.

С утра меня ждала пишущая машинка, казавшаяся теперь персонажем из фильма ужасов, – я почти разучилась писать.

Но постепенно все вошло в свою колею. Привыкшая лишь дополнять других и добросовестно обсасывая, доводить до совершенства чужие идеи, я начала находить прелесть и в маркизе де Саде как потенциальном соавторе. По поводу анатомии и физиологии я теперь была подкована на четыре ноги, особой психологии и экзистенциальных рефлексий не требовалось – дело стало за сюжетом.

«Кетчупу, кетчупу побольше», – вспомнила я наставления Ивана и для начала завернула парочку банальных убийств на сексуальной почве, приплела к ним садомазохистическую секту, а позже – и ее главу, мимикрирующего под скромного учителя экологии, – модная тема.

Несколько раз звонил Александр Анатольевич, и, памятуя о «рэкетиурской репе», я разговаривала с ним более чем почтительно. Сценарий ни шатко ни валко двигался к своему закономерному финалу, кровавой бане, торжеству извращенной сексуальности – я всегда выполняла свою работу четко и добросовестно.

Где-то во второй трети он даже захватил меня, и я позволила себе робкие фантазии, авторские отступления и вариации на тему. Теперь я сидела за машинкой день и ночь, невымытая и нечесаная, лишь иногда позволяя себе выходить на улицу за яблоками.

Яблоки всегда были одни и те же, сорт «джонатан». Ими торговали прямо под окнами нашего дома приезжие испуганные хохлушки, которых безбожно гоняла милиция. Одна из хохлушек оказалась мариупольской, и после того, как это выяснилось, я покупала яблоки только у нее.

Еще раз позвонил Александр Анатольевич.

Мы договорились встретиться в метро «Новокузнецкая», в центре зала. Я сказала ему, что буду стоять с опознавательной газетой «СПИД-Инфо» в руках, и он одобрительно хмыкнул.

...Мы встретились.

Если Александр Анатольевич и был рэкетиром, то рэкетиром нестрашным, почти ручным: голова под строгий бобрик, отличный костюм и дорогое кашемировое пальто. В туфлях я не разбиралась. Александра Анатольевича немного портили сломанные борцовские уши – но только немного.

Александр Анатольевич оказался немногословным – он забрал мою папку и отдал свою. Процедил сквозь зубы что-то похожее на «я позвоню» и ретировался.

Я решила открыть папку только дома. В папке оказался конверт, а в конверте – две тысячи долларов. Все сотенными бумажками. Я впервые держала их в руках.

Дрожа как осиновый лист, я тут же ломанулась в обменник на метро – доллары были настоящими, с ума сойти!

Теперь возникла новая проблема – что с ними делать. Тратить деньги я совершенно не умела – ну не вещи же покупать в самом деле!..

Я всегда стеснялась вещей, вещи же меня презирали. Я могла уживаться только со свитерами под горло и джинсами, уж этим плевать было на мою вопиющую внешность.

«Купи водки и напейся», – шепнул мне на ухо умерший Иван.

«Дай объявление в газету, подними альфонса и потрахайся наконец», – шепнул мне на ухо уехавший Нимотси.

«Спрячь деньги подальше и жди звонка», – шепнула я сама себе.

Александр Анатольевич позвонил через две недели.

– Ваш сценарий понравился, – коротко сказал он. – Лучший из всего пакета. Пишите следующий. Мы даем вам полную свободу действий – в рамках уже оговоренных условий. Только сделайте его пожестче.

Пожестче так пожестче. Я принялась за новый опус – теперь в нем фигурировал весьма внушительный порносиндикат, влиятельные члены которого поочередно сходили с ума и заливали кровью себя и других.

За этот сценарий я получила уже три тысячи долларов.

Тратить красивые зеленые бумажки было жалко, и я снова вернулась в видеопрокат; а после еще двух сценариев, в которых я обнаглела до того, что позволила себе отправить на тот свет нескольких детей от семи до одиннадцати, в голову мне закралась шальная мысль – а не прикупить ли тебе, Мышь, халупку где-нибудь на замусоренной окраине – большего ты все равно не потянешь.

А Москва остается Москвой. Москва – это здесь и сейчас.

Умерла мать отца, моя бабка; я продала ее квартиру в моем родном городе, сложила деньги – хватило как раз на крохотную квартирку в Бибиреве. Квартирка была совершенно отвратительной – девятый этаж занюханного панельного дома, исписанные матом подъездные стены невообразимо зеленого цвета, неработающий мусоропровод, неработающий лифт, полоска леса, торчащая в окне маленькой кухни.

Но это была уже моя территория. Моя собственная, помеченная отсутствием запаха территория.

Последний раз я встретилась с Александром Анатольевичем уже в ранге москвички и оставила ему свой новый телефон.

Но он так и не позвонил.

Мне вообще никто не звонил.

Этому я не удивлялась, а порноэпопею выкинула из головы так же легко, как и вошла в нее – во всяком случае, именно ей я была обязана своей квартирой на улице Коненкова. Скульптора, который никогда мне не нравился.

Маркиза де Сада и «Венеру в мехах» я скромно оставила на подоконнике ближайшего букинистического, порнокассеты снесла к мусорным бачкам и в довершение всего съездила к вдове академика, чтобы оставить ей бибиревский телефон – для Нимотси.

Теперь мне оставалось только ждать его – прощальный поцелуй был действительно хорош.

Но вместо Нимотси появилась Венька.

* * *

Она ворвалась в мою жизнь вместе с резким утренним звонком. Телефонный звонок был событием для моей ветшающей, с так и не начатым ремонтом кельи. И некоторое время я слушала его – приятно, черт возьми... Если Нимотси – значит, повторение поцелуя, если Александр Анатольевич – значит, повторение денег; если ошиблись номером – пошлю подальше... Наконец я сняла трубку.

– Привет! – незнакомый далекий голос был дерзким и веселым. – Это Венера из Ташкента...

– Из Ташкента?

– Из Ташкента вообще, но сейчас я в Москве. Вы меня не знаете... Мне ваш телефон дал Сергей Волошко... Вы ведь во ВГИКе учились?

Сергей Волошко был оператором, именно он снял единственную нетленку Нимотси. Серега мне всегда нравился – он был из Ташкента, и Азия безнадежно въелась в его хохляцкое смуглое лицо. Волосы «соль с перцем», добродушные усы, крепко сбитая фигура из серии «хорошо бы в кровать завалиться и бабенку на рог посадить» – он не мог не нравиться. После института Серега уехал в Питер, хорошо поднялся на клипах и рекламе и даже снял что-то эпохальное одному из ведущих ленфильмовских снобов. А три недели назад я случайно встретила его в переходе на «Киевской» – он записал мой телефон, чтобы тут же благополучно забыть и его, и меня.

...Через минуту я уже диктовала Венере из Ташкента свой домашний адрес, а через десять уже была в ближайшем универсаме и закупала продукты. Как-никак это будет второй человек, переступивший порог моей квартиры, – первым был сантехник, чинивший бачок в туалете.

Я позволила себе посорить деньгами – это оказалось приятным чувством. Я купила рыбы и креветок (привет от Нимотси), белого вина (к рыбе), фруктов (к вину) и мороженого (к фруктам). На этом моя провинциальная фантазия была исчерпана.

Венера из Ташкента приехала через час.

Она позвонила в дверь так же весело и дерзко, как разговаривала со мной по телефону.

И когда я увидела ее на пороге, меня пронзило острое, как игла, предчувствие – в моей жизни начинается новый этап: я даже зажмурилась, так она была красива. Нет, «красива» – это не было нужным словом, тут же педантично заметила я про себя. Я почувствовала в ней тот неистовый вкус к жизни, который когда-то покорила меня в Иване. Этого нельзя было приобрести (какое приобрести, ей от силы девятнадцать, соплячка) – с этим нужно было родиться.

– А это я названивала, – по юному лицу гостьи пробежала тень, ну конечно, она сразу же разочаровалась во мне, бедняжка.

– Я так и поняла. – Я сразу повернулась и отправилась на кухню, ни разу не оглянувшись, с прямой спиной – что-что, а спину я умела держать так же, как хороший боксер прямые удары в челюсть: знаю, знаю, что не понравилась вам – ну и плевать!..

– Можешь вымыться с дороги, в ванной полотенце чистое, и горячую воду вчера дали. – Ей необходимо было время привыкнуть ко мне, во всяком случае – убрать гримасу с лица.

– Я вообще самолетом, не успела изгваздаться, – крикнула она из прихожей, и я вздрогнула: «изгваздаться» было любимым словом Ивана.

– Как знаешь...

Я уже сидела на кухне, в своем любимом кресле, купленном после первого сценария. Неначатая бутылка вина на столе показалась мне глупой – кого ты хочешь обольстить, Мышь?.. Я резво подскочила и отлила добрую половину в раковину.

– Ну, как тебе Москва? – банально спросила я, заканчивая манипуляции с бутылкой.

– Ужасно, – банально ответила она, все еще возясь в прихожей.

– А как Ташкент? – Я никогда не была в Ташкенте.

– Еще хуже. Вы где?

– На кухне. – Я снова устроилась в кресле и уже спокойно плеснула себе вина в бокал из французского набора. Бокалы я купила после третьего сценария. Сделала глоток – должно быть, смешно выгляжу, богема сраная. – Можно на «ты».

Наконец-то она появилась на пороге кухни.

– Хочешь выпить? – спросила я. – Вчера ребята-телевизионщики приходили, осталось. Неплохое вино.

– Вообще-то, я не пью с утра. Узбекская женщина, знаешь ли. – Она легко согласилась с моим «ты».

– «Венера» – не узбекское имя.

– Мне оно тоже не нравится. Можешь звать меня Венькой, – она обезоруживающе улыбнулась.

– А меня – Мышью, – лягнула я. – Близкие друзья так и зовут меня – Мышь.

Мне очень хотелось понравиться ей, заинтересовать, произвести впечатление. И тогда я небрежно достала только что купленный в универсаме табак «Амфора» и трубку вишневого дерева: трубку пару лет назад спер в какой-то лавчонке Нимотси, поигрался с ней пару месяцев и забросил.

Я неумело набила трубку табаком, поднесла спичку и под заинтересованный взгляд Веньки сделала затяжку, – кажется, клюнуло. Женщина, свободно и непринужденно курящая трубку, не может не вызвать интерес.

– Я, пожалуй, выпью, – сказала Венька, – за знакомство.

Мы выпили, не чокаясь, и несколько минут в полном молчании разглядывали друг друга. Вблизи, на освещенной солнцем кухне, она показалась мне еще интереснее: светлые волосы, капризно изогнутые губы, немного тяжелые веки над светлыми, почти прозрачными глазами. Я разглядела все, даже маленький шрам на виске, придающий юному чистому лицу необъяснимую прелесть чего-то необычайного, уже случившегося в ее жизни.

– Ты ведь сценарный окончила? – спросила Венька, проглотив вино как воду.

– Вроде того.

– Занимаешься кино?

– Вроде того, – в горле першило от трубки, но я решила сыграть свою роль томной метрессы до конца.

– Здорово! – Она вдруг покачнулась на стуле и положила ноги на подоконник. – Можно я так посижу?

– Сиди. А ты во ВГИК поступать собираешься?

– Еще не знаю.

– Я могу поговорить кое с кем, если нужно. – Я судорожно перебирала в уме полузабытые вгиковские имена. – Ты работы привезла?

– Какие работы?

– Ну, этюды там литературные, писульки всякие, выявляющие тебя как динамично развивающуюся творческую личность...

– Да нет. Я просто так приехала. Пожить. Потусоваться.

«Мужичка поднять богатенького, – подумала я про себя, – дерзай, провинциалочка, у тебя должно получиться».

– Тебе остановиться есть где? – осторожно спросила я.

– Думаю, да, – осторожно ответила она.

– Можешь у меня. Две комнаты, правда, от центра далеко... – «Ну ты даешь, Мышь! Пустить неизвестно кого, неизвестно зачем... Иван наверняка шелкнул бы тебя по носу – «была у зайчика избушка лубяная, а у лисички ледяная...».

– Ну, это если в крайнем случае, – снисходительно одернула меня Венька.

«Правильно, не зарывайся, Мышь, – всяк сверчок знай свой шесток». Я вдруг почувствовала легкую азартную ненависть к этой девчонке.

– А Серегу Волошко ты откуда знаешь?

– Да в нашем местном Голливуде познакомились, на «Узбекфильме». Он какое-то дерьмо поэтическое снимал, а я о нем статейку собиралась написать в качестве курсовой работы. Я

ведь на журфаке тусовалась, а потом надоело, бросила. Охота была о махалле писать и кибитках глинобитных... А Серега меня трахнуть хотел, как мэтр киноискусства.

Еще бы не хотел. Всякий бы захотел.

– Удалось? – небрежно спросила я.

– Нет. Мои мальчики ему два ребра сломали и зуб выбили.

Точно. Незакомплексованный Серега улыбался мне в переходе на «Киевской» щербатым ртом.

Мы выпили еще. Вино с крепким трубочным табаком дало неожиданный эффект – меня начало подташнивать.

Венька пристально смотрела на меня.

– Что, не нравлюсь? – в открытую спросила я.

– Ты просто не затягиваешься, когда куришь. Затягиваться надо, иначе это просто перевод табака, никакого кайфа. А табак, между прочим, хороший. Мой отец такой курит.

– Рада за него. – Я попыталась непринужденно затянуться, и голова у меня поплыла.

– Вот так примерно, – одобрила меня Венька, – тренироваться надо почаще. И тренировок не пропускать.

– Учту.

– А ты какие сценарии пишешь?

– Да муру всякую.

– И хорошо платят?

– Нормально. На хлеб с маслом хватает. И на французское белье. – Я сроду не носила французского белья.

– Я бы, наверное, тоже могла писать.

– Счастливое заблуждение.

– Слушай, а кинцо-то по твоим сценариям уже сняли?

Действительно – сняли или нет? Нимотси, ау!.. Хотя бы весточку подал – я-то исправно обряжала шиколотки своих героинь в серебряные цепочки...

– Сняли, – высказала смелое предположение я.

– А как называются? Может, я видела?

Один из моих сценариев имел рабочее название «Вспоротые ножом», а другой – «Время оргазма». Остальные именовались не менее тухло.

– Да вряд ли... Я для иностранцев работаю. Да ну его в задницу, это искусство, – я достала из холодильника еще одну бутылку вина.

– Много пьешь, – соплячка вздумала сделать мне замечание. – Ну его в задницу, это искусство, точно... А то я уже подумала, что ты начнешь спрашивать у меня про любимого режиссера.

– Что, произвожу впечатление рахитичной старой девы от интеллектуального кинематографа?

– Ага. Христовой невесты, – Венька засмеялась, – но ты мне нравишься. Давай – за тебя.

Мы выпили за меня. А потом – за нее. Ничего себе девичник получается... Я снова закурила трубку, внимательно следуя провокационному Венькиному совету затягиваться.

Язык у меня развязался, я рассказала Веньке об Иване, и в моем изложении это получилось похожим на страсть и отчасти оправдывало мою пустую, свободную от постоя и мужского бритвенного прибора квартиру.

– Ненавижу смерть. И злюсь на тех, кого уже нет. Просто злюсь, и все, ничего больше.

– Я тоже злюсь, – помолчав дольше, чем было нужно, наконец сказала Венька. – Просто злюсь, и все, ничего больше.

– Он глупо погиб.

– А бывает, что умно?

– Бывает, наверное. Наплодить детей и внуков и умереть во сне. Или сочинить пару-тройку вещей в стиле позднего Кортасара, а потом взять и повеситься на мужниных подтяжках. Сразу признают гением, потому что мертвый гений не опасен ни для чьего честолюбия. И хоть ты увидишь это из райских кушей, с высоты птичьего полета, но игра стоит свеч.

– Это мужской взгляд на вещи.

– Это нормальный взгляд на вещи.

– Слушай, заведи себе любовника из слесарей-карусельщиков, и все эти мысли пойдут на фиг, взявшись за руки.

Мы сидели с Венькой на кухне уже полдня, мы выпили дикое количество вина, и пассаж о слесаре я восприняла как совет близкого человека.

– А почему слесаря-карусельщика?

– Ну, токаря-расточника.

Вот тогда-то мне и стало по-настоящему плохо: в горле стоял табак, обильно смоченный вином. «Неплохо начатый дебют человеческого общения может закончиться весьма плачевно», – сказала я сама себе.

«Точно-точно, пьянству бой», – шепнул мне на ухо мертвый Иван.

«Говорил же тебе, кури траву – обойдешься без ненужных эксцессов», – шепнул мне на ухо уехавший Нимотси.

– Я сейчас, – выдавила я из себя и бросилась в ванную.

Все остальное я помнила смутно: кажется, Венька поливала меня водой и накачивала марганцовкой, полное отсутствие брезгливости, удивительное для девочки с такими надменными капризными губами.

Венька уложила меня – совсем слабую, но пытавшуюся соображать.

– На видеке последний фильм Антониони, кассета стоит, – выдавила я из себя. – Можешь посмотреть.

– Рискну.

...Когда я пришла в себя, Веньки в комнате не было, а с кухни доносились приглушенные голоса.

Ничего себе.

Проклиная все на свете, я по стенке добралась до кухни.

Их было трое – Венька и два молодых человека.

Один – явно узбек, но узбек породистый. Я знала этих узбекских отпрысков из хороших киношных семей еще по ВГИКу – узкие тела, гордые головы, небольшие руки превосходной лепки, аристократический разрез глаз. Уж эти-то точно никогда не десантировались на хлопок и не махали кетменями на строительстве арыка.

Второй произвел на меня гораздо меньшее впечатление – обыкновенное лицо, никакой экзотики. Только лоб хороший – давно я не видела таких высоких крутых лбов.

– Ну как Антониони? – светски спросила я, сгорая от стыда за марганцовку в ванной.

– Туфта полная, – честно призналась Венька, – меня только на двадцать минут хватило.

И почему только творческие работники не выходят на пенсию?.. Знакомьтесь – это Мышь. А это – Фархад и Марк. Фарик и Марик.

На Фарика и Марика я произвела впечатление не большее, чем замызганный окурок, брошенный на асфальт. Они смотрели только на Веньку.

– Мышь сценарии пишет.

Никакой реакции.

– Фарик журналист, а у Марика здесь бизнес намечается.

– Радостно за него, – я вдруг позавидовала Веньке. Мне вполне хватило бы кого-нибудь одного.

– Ты не бойся, мы не останемся. Мы квартиру сняли на «Алексеевской».

– И когда только успели?

– Лето. Дни длинные, – лениво разлепил губы Марик.

– Мы поедем. А я тебе завтра позвоню. Здорово было, правда. Я рада, что так получилось. Я поморщилась.

Фарик и Марик поднялись как по команде – оба высокие, хорошо сложенные и еще не заматеревшие.

«Ну и черт с вами». Входная дверь хлопнула.

Я опять осталась одна.

* * *

Венька действительно позвонила мне на следующий день. Мы встретились на нейтральной территории, на Новом Арбате (я не была там года три, хотя все это время, за исключением месячной эпопеи с продажей бабушкиной квартиры, безвылазно просидела в Москве).

Мы сидели в летнем кафе у кинотеатра «Октябрь» и пили отвратительно теплый сок. После вчерашних возлияний мне все еще было муторно, и трубку взять с собой я не решилась. Зато купила пачку самых дорогих сигарет – вообще-то, мне было всегда все равно, что курить, я так и не научилась получать от этого удовольствие. Но сигареты были моим спасением в общении с другими людьми, они придавали мне иллюзию независимости и незакомплексованности – это был психологический барьер, преодолеть который не представлялось никакой возможности.

Иван, читавший меня даже не как беллетристику средней руки, а как комикс, сказал однажды: «Если у тебя такие проблемы, то, чем наживать рак легких, купи себе четки. Займешь руки, а все остальное приложится».

Я вдруг вспомнила об этом сегодня, в летнем кафе, за соком, сидя напротив девятнадцатилетней соплячки с восхитительно длинными ногтями.

Ее мальчишки сидели рядом, за соседним столиком, с видом угрюмых телохранителей.

– Слушай, – непринужденно сказала Венька, – меня тут мысль озарила... Только не подумай, что это наглость с моей стороны... Словом, мы могли бы работать вместе, почему нет? Фарик, между прочим, – криминальный журналист, так что все свеженькое, полный эксклюзив. Сейчас это хаваается, почему не попробовать. Могли бы объединить усилия.

«Поздравляю, девочка, у тебя собачий нюх на такую безвольную инфузорию, как я».

Я выбила сигарету из пачки:

– Шла бы ты лучше в топ-модели.

Венька заговорщицки скосила глаза на своих телохранителей и прошебетала:

– Десять сантиметров не хватает до стандарта. Так что это отпадает.

Я вдруг подумала, что спустя семь лет все может повториться снова. И мой позвоночник впервые за долгое время дал слабину и превратился в плющ, готовый обвиться вокруг этой девчонки. Искушение закрыть глаза и положиться на чужую волю было таким сильным, что я даже зажмурилась.

– Серега говорил, что ты просто классно пишешь.

– Да?

– ...так гениально, что просто крышу сносит!

– Ну, не я конкретно, а уже распавшийся коллектив авторов.

– Можно придумать что-нибудь подобное.

– Подобного уже не будет.

– Будет лучше.

– Что, хочешь попасть в обойму? – проницательно спросила я.

– Очень! Причем сразу – и в яблочко.

– А при чем здесь я?

– Ты пока не говори ничего, просто подумай. В любом случае – позвони.

... Я не позвонила – ни на следующий день, ни через неделю. С одной стороны, каждому человеку нравится быть соблазненным: все равно чем – главное, соблазненным. Но с другой – я терпеть не могла эту провинциальную прыть, эту нахрапистость, эту железобетонную уверенность, что именно твоя свежая кровь окажется нужной группы.

И все-таки Венька не выдержала и позвонила. Первой. Не знаю, чего уж там наплел неугомонный оператор Серега Волошко о моих литературных экзерсисах.

– Ну... как? – спросила Венька. – Решила что-нибудь?

– Знаешь, я, пожалуй, не гожусь. Возраст, знаешь... Пора о душе подумать. А ты приезжай – просто так, без всяких меркантильных интересов...

Но приехала не Венька, приехал один из мальчиков – Марик.

Он заявился вечером, без предварительного звонка, с бутылкой вина и цветами – очень самоуверенно с его стороны. Я была наслышана о таких вот мужских штучках.

– Лучше бы водку принес, – вместо приветствия сказала я.

Марик растерялся:

– Сбегать, что ли?

– Сбегай.

Он развернулся на каблуках и как был – с цветами и вином – отправился за водкой. Я выиграла время, чтобы собраться с мыслями и оценить ситуацию. Конечно, это определенный жест, только вот чей – его самого или Веньки?

Я мельком взглянула на себя в зеркало – конечно же Веньки, она решила пожертвовать фигурой. Но нужно отдать должное, фигура была весьма привлекательной.

... Мы сидели на кухне битый час и пили водку. Но, несмотря на выпитые полбутылки, разговор не клеился – я слишком отвыкла от людей вообще и таких молодых – в частности. Марик рассказал дюжину анекдотов, из которых удачными были только два: какие-то уморительные истории из жизни узбекских аборигенов. Я ответила ему заезженными, пятилетней давности, киношно-постельными новостями.

А потом кончилась водка.

Мы оба были восхитительно трезвы.

– Ну? – спросила я. – Что дальше?

– Еще сбегать? – предложил он.

– Пожалуй, не надо. Ненавижу это делать на пьяную голову. Ты ведь за этим пришел? К малознакомой стареющей женщине на ночь глядя?

«Лихо», – одобрил меня мертвый Иван.

«Лихо, лихо», – одобрил меня уехавший Нимотси.

Марик неожиданно покраснел как мальчишка. «Мои мальчишки», – вспомнила я Веньку.

– Кофе хочешь? – спросила я.

– Да.

– Я сварю. – Мне вдруг понравилось амплуа пронизательной стервы, выскочившее из меня, как черт из табакерки.

– Я помогу, – сорвался с места он.

В крошечной кухне, у крошечного столика нам обоим было тесно, то и дело мы задевали друг друга. Видно было, что он на что-то решается – во всяком случае, его нечаянные прикосновения стали более осмысленными.

«Давай-давай, – мысленно подбадривала я его. – Самое время коснуться губами моих волос. Вот только губы не забудь приоткрыть, иначе двойка по актерскому мастерству тебе обеспечена».

Он действительно коснулся губами моих волос, только забыл приоткрыть их.

Хреновый актер, что и требовалось доказать.

Я улыбнулась и опрокинула затылок ему в лицо. Марик обнял меня за плечи и опять прокололся – руки были легкими и равнодушными, в них не было тяжести желаний. Но я-то знала, что она должна быть – Иван сам натаскивал меня на эти немудреные и требовательные мужские штучки.

Я не двигалась. Я была хладнокровна.

Я дождалась, пока сбежит кофе, чтобы дать возможность этому дурачку как-то выйти из ситуации. Марик с облегчением отстранился от меня и подхватил кофеварку.

– Убежал, – сокрушенно сказал он.

– Ну и черт с ним!

Теперь я нагло повернулась к нему лицом и нагло взяла его голову в свои ладони.

Я видела, как загнанными зверями метнулись его зрачки под приспущенными ресницами, как подобрался почуявший опасность рот. Только огромный лоб оставался безмятежным. Лоб мне нравился.

Я сосредоточилась на этом и поцеловала его в губы.

Он зажмурился – так сжимают веки начинающие самоубийцы, стоя на краешке крыши, – и нехотя ответил мне.

Я не выпускала его рот до тех пор, пока не почувствовала легкий привкус крови – должно быть, у него были слабые десны. Я не заметила даже, что он обнял меня, а когда поняла это – легко расстегнула его ремень.

– Пойдем в комнату, – шепнула я.

Он безропотно пошел за мной, ягненок на заклании. Перед тем как загнать его в двенадцатиметровую мышеловку с видом на редкий подмосковный лес, я сказала:

– Мне нужно помыться... Подожди, я быстро.

...В ванную я взяла телефон и по памяти набрала Венькин номер. Она сняла трубку сразу же.

– Это я. Приезжай, забери своего щенка. – И, не дожидаясь ответа, положила трубку на рычаг.

...Марик уже лежал в кровати, прикрытый легким одеялом.

Я приснула:

– Оперативно!

Одежда его была аккуратно сложена на стуле, и это вдруг вызвало во мне приступ легкой ярости. «Бедная страшенькая Мышь, ничего похожего на беспорядочность страсти. А от всех твоих случайных любовников, если они по неведению забредут в этот заброшенный сад наслаждений, всегда будет нести формалином».

Марик испытующе смотрел на меня.

– Ты не разденешься? – спросил он.

– Не сейчас, – я присела на краешек кровати, – хочу посмотреть на тебя.

– Смотри! – откинул он одеяло.

Я присвистнула.

– Ну как? Нравлюсь?

Еще бы! Уменьшенная копия копии греческой скульптуры в музее Пушкина; тот же маленький аккуратный член, даже и не помышляющий возбудиться.

– Иди сюда, – сказал Марик. Как в плохом американском фильме десятилетней давности, я так и слышала гнусавый голос синхронного переводчика с бельевой прищепкой на носу.

– Сейчас...

Если Венька не будет краситься, если сразу возьмет такси (а она должна взять такси!), если не будет пробок – то появится здесь минут через сорок плюс-минус десять минут. Оста-

ется время на имитацию страстных поцелуев, имитацию петтинга и легкое препирательство по поводу «Полета валькирий» Вагнера.

Я прошлась по комнате, включила музыкальный центр и поставила свой любимый «Полет валькирий».

Малогобаритную клетушку потрясли мощные аккорды.

– Это еще что такое? – удивился Марик.

– Вагнер. Тебя не устраивает?

– А почему именно Вагнер?

– Стимулирует любовные игрища и забавы. У меня во всяком случае.

– А что-нибудь полегче есть? Не такое концептуальное?

– Есть Брамс, Равель и болгарские духовные песнопения.

Марик вздохнул:

– Давай болгарские...

Под болгарок я села в кресло на противоположной стороне комнаты и уставилась на Марика.

Он явно начал беспокоиться.

– Ты придешь ко мне?

– Приду-приду...

– А то странно получается: я в кровати голый, ты в кресле – одетая... По-моему, мы не на равных.

– Наоборот. Именно сейчас мы на равных.

– Ты меня интригуешь.

Я подошла к кровати, села на пол и обняла Марика. И впервые поняла, что ненавижу себя за эту циничную пронизательную отстраненность. Ну что тебе стоит закрыть глаза и хотя бы на секунду подумать, что этот мальчик пришел только для того, чтобы переспать с тобой – именно с тобой! – что ему нравится эта твоя дурацкая ирония в ответах на вопросы, эта твоя дурацкая джинсовая рубашка, этот твой дурацкий «Полет валькирий».

«Давай, не бойся! Один раз, всего лишь один», – искушала я себя.

«А падать-то будет больно. Ой как больно будет падать!» – говорила я себе.

«Какая разница, главное – ты проснешься не одна, а во сне он может обнять тебя...»

«Все может быть. Вот только назовет он тебя совсем другим именем...»

Я боролась с собой и тянула время.

– Ты меня интригуешь, – снова повторил Марик, так и не дождавшись ответа.

– А ты – меня. Зачем ты все-таки пришел?

Он поцеловал меня:

– За этим.

Теперь поцелуй получился если не страстным, то вполне правдоподобным, и я почти сдалась.

– Хорошо. Только не будем торопиться.

– Не будем, – легко согласился он.

Говорить больше было не о чем, и мы лениво целовались. Пока не раздался требовательный звонок в дверь.

– Ты кого-то ждешь? – спросил Марик.

– Да. И ты очень удивишься, – весело ответила я. Все становилось на свои места.

Я пошла открывать.

На пороге стояла Венька.

– Что случилось? – спросила она трусливо-независимым тоном.

– А где второй?

– Внизу на лавочке сидит.

– Трогательное единение. Кстати, почему ты прислала именно Марика? Могла бы проконсультироваться со мной – ненавязчиво... Узбек мне нравится больше.

– Извини, я не знала, – никаких следов раскаяния. «Далеко пойдешь, девочка, Москва и создана для таких, как ты».

– Не знала и приняла волевое решение прислать этого рохлю? В следующий раз пусть читает Карнеги – «Как добиваться успеха и приобретать друзей».

– Не волевое решение, – нагло сказала Венька, – спички тянули. Марик вытащил длинную.

Я ударила ее по лицу, удар получился смазанным и неубедительным. Как всегда. Тренироваться надо.

– Забирай его, и пошли вон из моего дома. К чертовой матери!

И тогда произошла удивительная вещь – она вдруг громко рассмеялась, запрокинув голову. Она смеялась до изнеможения, а потом села на пол и посмотрела на меня – снизу вверх:

– Значит, с соблазнением тухляк?

– Именно. Радует только то, что он тебе не изменил.

Я подошла к двери комнаты и чуть приоткрыла ее:

– Марик! С вещами на выход, дорогуша! За тобой приехали...

Венька все еще сидела на полу и все еще смотрела на меня – снизу вверх.

– Стало быть, с Фариком лыка уже не в строку?

– Не в строку. Никогда бы не подумала, что Ташкент – это кузница таких сучек...

В прихожей, с видом побитой собаки, появился одетый и аккуратно причесанный Марик. Он нерешительно остановился рядом с Венькой. На меня он даже не смотрел.

– Попрощайся с тетей, – повелительно сказала она.

– Извини, – выдавил из себя Марик.

– Бог простит, – только и сказала я, хотя больше всего мне хотелось врезать ему по морде. – Кстати, по ходу пьесы можешь прихватить с собой и свою Мессалину.

– Кого это? – удивился не очень образованный Марик.

– Меня, – пояснила Венька.

– Ага. Свою сучку-подружку, – подтвердила я.

Марик в растерянности стоял между мной и Венькой.

– Иди. Я сейчас.

Послушный Марик притворил за собой входную дверь. Мы остались одни.

– Ну? – спросила я.

– Можно я останусь?

– Что?!

– Ты мне ужасно нравишься, – Венька обезоруживающе улыбнулась. – Можно я останусь?

– Думаю, тебе вполне хватит твоих мужиков...

– Ты не понимаешь... Они – это я. А я здесь – совсем одна... Я согласна, глупо как-то получилось...

– Глупо?! На что вообще ты рассчитывала?

– Я же говорила тебе... Мы бы могли работать вместе... Ты ведь совсем не знаешь меня...

– Уже знаю. Уходи.

...Она осталась.

И в четыре утра, измотанная легким кухонным трепом, покоренная сногшибательными перспективами, кажущимися вполне реальными в час Быка, – я не устояла, я согласилась.

«Вот паинька, профессионалы не должны кобениться, профессионалы должны соглашаться».

* * *

...Сразу же оказались востребованными полузабытые, уже ненужные мне телефоны; к ним добавились другие, добытые Венькой и тоже жизненно необходимые. За два месяца она, как ни странно, получила несколько заявок на рекламу, пропихнула три синопсиса на конкурс журнала «Киносценарии». Мы выиграли, огребли чисто символическую премию и расплывчатое обещание запуска на «Мосфильме».

Фарик устроился репортером криминальной хроники в газету к своему двоюродному брату, осевшему в Москве после ферганской резни.

Марик же, с его безмятежным лбом, влип в какую-то сомнительную полукриминальную контору, обзавелся джипом и подарил Веньке роскошную штатовскую визитницу.

Визитница оказалась не последним делом – по вечерам Венька заседала в Доме кино и мастерски снимала охочих до приключений малопрактикующих кинематографистов. Нюх у Веньки был собачий, она сразу же определяла перспективы людей, отсеивая праздношатающих, не связанных с кино и телевидением мужичков.

Она уже знала киношные и телевизионные кланы, легко ориентировалась в расплодившихся, как кролики, рекламных агентствах и так же легко получала там заказы на ролики.

Мне оставалось только получать деньги и, поплеывая, писать идиотские слоганы.

Погибший, но не забытый Иван вдруг воплотился в Веньке с такой силой, что мне иногда казалось – уж не удачно ли он, проскочив вне очереди, реинкарнировался в этой ослепительной, с железной хваткой провинциалке.

Впрочем, я никогда не была буддисткой, я не верила в переселение душ.

И никогда не была у Веньки на «Алексеевской».

Чаще всего именно она паслась у меня в Бибиреве. В ванной появилась ее дорогая косметика, в комнатах были небрежно разбросаны ее дорогие вещи, которые я педантично складывала на уже отведенную ей полку в шкафу.

Шкаф был куплен на деньги, полученные за рекламу мыла, – это мыло я ненавидела.

Веньке же было плевать на эту рекламу, мыло, отведенную полку – и со временем получилось так, что все мои аскетичные свитера и рубахи пропитались ее дорожкой туалетной водой – эту туалетную воду я тоже ненавидела.

Устав сражаться с ее безалаберностью и смирившись с тем, что она оккупировала – совершенно незаметно для меня – мой дом, я заказала ей дубликат ключей и предоставила право делать в нем что угодно...

И для начала она изменила цвет глаз.

Я заметила это сразу, но решила спросить только тогда, когда были выслушаны все ее потрясающие истории о новом малобюджетном проекте кинопроизводства на студии Горького.

– Ты изменилась, – осторожно сказала я.

– А-а... Ничего особенного. Контактные линзы вставила.

– Не знала, что у тебя проблемы со зрением.

– Никаких. Это у тебя проблемы со зрением, – рассмеялась она, схватила меня в охапку и потянула в коридор, к большому зеркалу.

– Ну?! Ты ничего не замечаешь?

– Цвет глаз другой. Даже не могу понять, идет ли это тебе...

– А по-моему, здорово! У нас теперь одинаковые глаза. Зеленые. Всегда мечтала иметь зеленые глаза.

– Зачем?

– Просто подпирает иногда, так хочется быть на кого-то похожей...

– На кого-то?

– На тебя... Ничего не говори, пусть так и останется, хорошо?

...Спустя две недели, когда этот разговор благополучно забылся, она вдруг вытащила меня в парикмахерскую. Я отроду не стриглась во всяких там салонах, это казалось мне мещанством; волосы же мне ровняли в разные периоды жизни мать, Иван и Нимотси.

Теперь пришла Венькина очередь, но она только хмыкнула и отправилась со мной к своей парикмахерше. Парикмахерша оказалась халдистой бабой, но дело свое знала хорошо: вместо очень длинных неухоженных волос, от безысходности всегда собиравшихся в хвост, я получила умеренно длинные с намеком на стильную прическу.

Потом пришла очередь цвета. Родной цвет активно не нравился Веньке, она находила его слишком унылым – и поэтому я была срочно перекрашена в глубокий темно-рыжий с томно-вспыхивающим медным отливом.

«Ну вот, просто отлично, глаза заиграли, теперь можно выводить тебя в свет и на случайку», – констатировала Венька, жизнь всегда представлялась ей неким азартным биологическим циклом.

...А потом и сама Венька перекрасилась в темно-рыжий.

Но я бы даже не заметила этого, если бы не Фарик. Фарик, с которым она приехала в ту февральскую ночь, когда мы решили написать забойную криминульку и продать ее по сходной цене. Фарик довольно часто приезжал в Бибирево, в отличие от Марика, почти исчезнувшего с моего горизонта после неудачной сцены соблазнения.

– Ты видишь, что с собой эта дрянь уделала? Покрасилась! – с порога заявил мне Фарик и на секунду застыл, рассматривая мой собственный, так похожий на Венькин, цвет волос. – По-моему, это сговор! У вас появилась униформа, а, девчонки?

– Конечно, мы же играем в одной команде! Только это не униформа, а унисекс. Сейчас модно в Европе. Слушай, Мышь, мне сейчас этот узбек, – Венька ткнула Фарика в бок, – потрясающую историю рассказал!..

Я не удивилась – все, через одну, истории Фарика были потрясающими – от банальной бытовой поножовщины до рафинированного заказного убийства. Фарик рассказывал леденящие душу подробности с веселым цинизмом, что придавало любой смерти почти балаганный характер. Смерть в изложении Фарика затягивала и была нестрашной. Смерть в изложении Фарика казалась бездарной статистикой, сующей свои коротенькие банальные реплики невпопад.

И когда Фарик после двухчасового сидения на кухне тактично отправился в туалет – отлить безмерное количество баночного пива, которое мы пили в ту ночь, – Веньке пришла в голову счастливая мысль: записать только что рассказанную кровавую страшилку именно в ключе Фарика – разухабистом, циничном и безумно смешном.

Для подобного стиля я была тяжеловата, мне хватало иронического взгляда на мир, и я решила просто слепо скопировать Фарика. Мне всегда удавалось копировать кого бы то ни было.

Удалось и сейчас.

Через месяц был готов сценарий, сдобренный юмором Фарика, Венькиной страстью и прошитым автоматными очередями телом и вполне профессионально записанный мной.

Венька назвала его по-идиотски: «К истории двойного убийства на Плющихе». Но тем не менее сценарий был со свистом принят каким-то полубезумным продюсером-азербайджанцем и сразу же запущен в производство.

Мы с Венькой подписали отдающий липой договор, получили наличные и отправились на Алексеевскую.

* * *

... Там нас уже ждали водка, икра, плов и Фарик с Мариком.

– Сюрприз! – крикнула с порога Венька. – Знакомьтесь, это Мышь, она классные сценарии пишет, просто гениальные.

Фарик и Марик явно не ожидали моего появления и сразу помрачнели. Их неудовольствие было столь очевидным, что мне сразу же захотелось выпить.

Я так и сделала – надралась вусмерть и отключилась. Я даже толком не рассмотрела их огромную, похожую на футбольное поле комнату, заставленную диким количеством оплывших свечей; ни кровати, ни дивана не было вообще – только мягкие маты, усыпанные лепестками. Цветов было море – розы и хризантемы.

Только розы и хризантемы.

И больше ничего.

... Я проснулась среди ночи – голова раскалывалась, шея затекла – меня, как тряпичную куклу, сунули в огромное кресло. Я проснулась от голосов – яростно-тихий, осуждающих, требующих, молящих.

Скрытая в них страсть так испугала меня, что я даже не решилась открыть глаза, лишь слегка разлепила их; я подсматривала в щелки век, как в замочную скважину.

Они – все трое – были в противоположной стороне комнаты у окна. Венька сидела на матах, совершенно недостижимая в свете уличного фонаря. Недостижимая для меня и несчастных мальчиков, обложивших ее, как волчицу.

Солировал Марик:

– Это предательство, как ты не поймешь?! Ты пытаешься быть похожей на эту свою Мышь, на это пустое место... С ней ты предаешь всех нас... Всех четверых... Мы же поклялись... Ты сама заставила нас поклясться! Ты сказала, что так будет всегда!..

– Сказала, а теперь передумала, – пропела Венька.

Марик занес руку для удара, но Фарик перехватил ее. Возникла внезапная мальчишеская драка, кончившаяся через минуту обоюдными разбитыми носами.

– Пусть она уйдет, – теперь уже спокойно сказал Марик, слизывая кровь.

– Скорее вы уйдете, – дразнила их Венька.

– Слушай, она ничего нам не сделала... Но ты же не хочешь, чтобы мы ее возненавидели только потому, что она стала иметь какое-то отношение к тебе?..

– Скорее я вас возненавижу, – Венька упрямылась; мне вдруг стало страшно – и от их ненависти, и от ее защиты, в которой я не нуждалась.

«Стервецы маленькие, молокососы – куда ты только влезла, Мышь, встань сейчас же и скажи: «Общий приветик, исчезаю из вашей плебейской жизни навсегда...» или что-нибудь другое в этом роде.

Но, пока я подбирала «что-нибудь другое в этом роде», Марик процедил сквозь зубы:

– Может, того? Убрать ее? Нет человека – нет проблемы.

– А может, того... Убрать меня? Нет человека – нет проблемы. И вы свободны, мальчишки!

Теперь не выдержал Фарик – он ударил Веньку наотмашь, хорошо заученным жестом; это уже было похоже на ритуал:

– Сейчас еще врежу, если не прекратишь это сумасшествие!

– А мы уже давно сошли с ума. С тех пор, как впаялись в этот проклятый грузовик. Или нет?!

Фарик снова поднял руку.

– Лежачего не бьют, – в лицо ему засмеялась Венька. Она вытянулась на матах и начала мучительно медленно расстегивать пуговицы на рубахе.

– Может быть, поможете беззащитной одинокой девушке?

Их не надо было просить дважды – я видела, как спадают рубахи с их крутых, почти одинаковых плеч; я слышала, как щелкают языки их ремней, как нетерпеливо рвутся «молнии» на джинсах...

Мальчики рухнули в Веньку, как в пропасть; они накрыли ее, как волны – я помнила эти волны моего южного причерноморского детства: тебя накрывает с головой и нечем дышать... Должно быть, Веньке тоже нечем было дышать, и она застонала. Мальчики повторили ее, как эхо. Их волосы спутались, их тела переплелись, и я впервые подумала о том, как они красивы. И я впервые подумала о том, что такими красивыми, почти совершенными, они могут быть только втроем – наконец-то собранные детали, наконец-то сложенная мозаика...

И, когда Венькина голова победно вознеслась над обессиленными, выпотрошенными телами мальчиков, я вдруг увидела ее широко раскрытые глаза – всего лишь отражение моих раскрытых глаз. Наши взгляды встретились – и она улыбнулась мне.

...Мне даже не пришлось возиться со входным замком – дверь открылась легко; эта квартира, этот чужой закрытый самодостаточный мир выталкивали меня, гнали прочь.

Я добралась домой под утро, сложила Венькины вещи в кучу, вытащила их в прихожую и здесь же, возле них, заснула тяжелым сном.

Проснулась я от резкого настойчивого звонка в дверь. Так звонила только она. Приготовленные вещи нужно было отдать и распрощаться с ненормальной девчонкой навсегда, но я вдруг почувствовала, что если открою, если впущу ее в свой спокойный, стерильный дом, как впустила когда-то, то все снова пойдет по кругу.

Почувствовала и испугалась.

– Это ты? – трусливо спросила я из-за двери.

– Открой, пожалуйста... Я все объясню, – ответила она трезвым вкрадчивым голосом.

– Уволь меня от объяснений. Все и так ясно. Живи как знаешь. Правы твои ценки – причем здесь я?

Звонок звонил непрерывно.

– Уходи, – устало сказала я.

Теперь в дверь начали методично стучать кулаками.

Я прислонилась спиной к дверной коробке и закрыла глаза.

– Если будешь ломиться – соседи вызовут ментов и будут правы. Ты же знаешь наших пугливых пролетариев.

Стук прекратился.

Так, в тишине, я просидела очень долго. Так долго, что наконец решилась спросить:

– Ты еще здесь?

– Да, – она никуда не ушла, она была совсем рядом, за тонкой дверью.

– Сидишь?

– Сижу.

– Не стоит. Простудишься.

– А я на коврике сижу. И хочу тебе одну историю рассказать. Я давно хотела...

– Сыта по горло твоими историями. И твоими дружками-извращенцами.

– Это хорошая история. Ты даже удивишься, какая хорошая... Глазки закрой и слушай... У одних папочки и мамочки в городе Ташкенте родились две девочки. Две девочки-близняшки. Одну назвали Венечкой в честь папочкиной мамы, а другую – Сашенькой в честь мамочкиного папы. Сашенька и Венечка очень любили друг друга... Так сильно, что если у Венечки был лишай на руках, то точно такие же пятна выступали на руках Сашеньки. А когда Сашенька сломала ногу, то Венечка тоже не могла ходить – ровно месяц, пока гипс не сняли. А когда его сняли и прошло несколько лет, Венечка с Сашенькой стали красивыми-красивыми, по мнению узбеков, торгующих абрикосовыми косточками на Алайском рынке, – то они, как и

полагается девушкам, влюбились в двух мальчиков – Фарика и Марика. И это была сумасшедшая любовь, потому что любить иначе они не умели. Это была такая сумасшедшая любовь, что иногда они менялись мальчиками – в кино там на индийской мелодраме или на шашлыках. И все им сходило с рук, потому что были они очень похожи, даже мамочка с папочкой их путали. Если бы Вильям Шекспир крепко закладывал и у него двоилось бы в глазах – то «Ромео и Джульетта» получилась у него именно такой...

Я хмыкнула.

И тут же услышала Венькин голос:

– Это правда.

– И что?

– А то, что они поехали в горы, все вчетвером. И на законных основаниях, тили-тили-тесто, жених и невеста. Там был шашлык, и цвели персики, и было еще не очень жарко. И девочки-близняшки оставили своих мальчиков, чтобы на машине Марика смотаться в Янгиабат, Марик их обоих научил водить машину. Они ехали на переговорный, чтобы поздравить своего папочку с днем рождения, сорок лет. Им ужасно хотелось вести машину, они даже поссорились из-за того, кто поведет первой. И врезались в дурацкую фуру, огромный такой «КамАЗ». Он был один на всей трассе – и они умудрились в него впасть... Та, что была за рулем, осталась жива. Так, череп слегка покрошило, незначительная травма – две недели в реанимации, и привет.

Венька замолчала.

– А вторая? – тихо спросила я, хотя не имела права спрашивать.

– Она погибла. Ее долго не могли достать – пришлось даже вырезать двери автогеном.

– Прости, я не знала...

– Они тоже не знали – Фарик с Мариком. Они не знали, кто остался жив. Они так и не узнали. И не знают до сих пор.

– Но ты... Ты-то знаешь – кто?

Она долго молчала, а потом сказала веселым тонким голосом, от которого у меня пошли мурашки по телу:

– Я забыла. Я забыла, потому что так лучше было для нас для всех. Каждый думал, что именно его девочка, его маленькая, его хорошая осталась жива. Никто не хотел видеть это живое лицо перед собой и уговаривать себя – это не моя, моя умерла, погибла, и ее вырезали автогеном...

– А потом?

– Потом я выбрала один из паспортов – и стала Венькой. А может быть, и была Венькой... А мальчики избили друг друга в кровь – еще бы – один потерял любимую, а второй – исключительное право на любимую. Они так мучили меня, что я выбрала щадящий вариант – я полюбила их обоих: за себя и за нее...

– Бред какой-то...

– Пожалей меня, пожалуйста, – вдруг жалобно попросила Венька. – Я так устала...

Я открыла дверь, и Венька рухнула на меня – все это время она сидела, прислонившись спиной к двери – так же, как и я.

Она уткнулась мне в колени и жалобно, навзрыд заплакала. Я не знала, что делать. Я никогда не умела жалеть маленьких детей – а сейчас Венька была ребенком. Я просто гладила ее по голове и даже не пыталась успокоить.

– Ты ведь не оставишь меня?

Я не могла сказать «нет», хотя сквозь бесконечную жалость к этой надменной и сломанной девочке я ясно видела, что наши отношения – это иллюзия. И во мне она видит лишь строительный материал для своей второй, утерянной половины; глину для лепки новой сестры – вместо той, погибшей. Моя безликость, готовность принимать любую форму – вот что ей было

нужно, вот что она почувствовала во мне. Эта внезапная догадка пронеслась в моей голове, сметая все остальные мысли, – и я разжала руки. Венька почувствовала это, подобралась, как подбирают тело дикие животные, готовясь к прыжку.

– Что-то не так? – спросила она.

– Я не гожусь... Не гожусь на эту роль. У меня своя жизнь...

– Нет. Нет никакой роли, – отчаянно соврала она, даже не понимая, что врет, – просто не уходи от меня.

– Твои мальчики никогда на это не согласятся, – я вдруг поняла, что сдаю позиции. Самым верным было бы сейчас успокоить ее, если вообще возможно ее успокоить, привести в норму, а потом...

А потом – уйти в сторону. Запереть квартиру на ключ и уехать к папе-филателисту восстанавливать разрушенные отношения – отец ненавидел Москву, а из-за Москвы возненавидел и меня.

Но, держа в руках эту красивую голову, я осознала, что не все в порядке с этой головой, и дурацкие мальчишки в своих эгоистических страстях только усугубили ситуацию.

«Ты попалась, Мышь.

Коготок увяз – всей птичке пропасть».

И я решила спустить все на тормозах, принять решение – но не сейчас, не сейчас.

– Твои мальчики никогда на это не согласятся, – снова повторила я, – еще убьют меня, чего доброго!

– Нет, никогда! – Она неистово сжала мои запястья. – Никогда... Дай им время, они привыкнут. Ты полюбишь их, а они – тебя... Ты выберешь любого из двух, я даже знаю – кого... И нас опять будет четверо.

С трудом оторвавшись от Веньки, я отправилась в кухню и накапала ей успокоительного.

– Выпей. И пойдем поспишь. Глаза у тебя красные.

– Зеленые, – улыбнулась она, – зеленые, как у тебя...

Она заснула, держа меня за руку.

Спустя полчаса я осторожно выпростала кисть и наконец-то обрела свободу, – пусть и на короткий срок, теперь я понимала это.

«Что скажете?» – спросила я Ивана и Нимотси.

«Меняй квартиру, пол и страну проживания», – посоветовал мне умерший Иван.

«Это клиника, ясно! Но с другой стороны – прилабунься к этим сумасшедшим жеребцам и хотя бы до климакса проживи в радостях группового секса», – посоветовал мне уехавший Нимотси.

Я прошла по комнате и сняла нашу фотографию, припиленную к обоям над письменным столом, – пятый курс, я, Иван и Нимотси. Трезвые глаза, Том Вейтс и Рей Чарльз – «Скатертью дорога, Джо!».

А потом вдруг взяла ручку и расцветила себя на фотографии – новой прической, новым разрезом глаз и формой губ.

Очень даже недурственно получилось, очень даже может быть, совсем другой человек – и меня тут же пронзила острая мысль, что сумасшествие вполне заразительно. Испугавшись этого, я спрятала фотографию в стол – от греха подальше.

Не хочу, не хочу, не хочу! Не хочу идти на поводу у этой девчонки. Проснется – умою, накормлю, вещи уложу – и «Скатертью дорога, Джо!»...

Но выпроводить не получилось.

Остаток дня она была мила и даже не вспоминала об утренней истории. А потом уселась на телефон – только для того, чтобы сообщить мне, что вышла на крупное издательство, где вполне реально выпустить какой-нибудь романчик в мягкой обложке.

– Именно! Криминальное трупилово-мочилово, тем более что за него прилично платят. Ты как, Мышь? Может, попробуем себя на ниве литературы?

Я поморщилась.

– А Фарик нам фактики подбросит. Есть у него знакомые ментярики, а у ментяриков – пара-тройка «глухарей» забавных всегда найдется.

– Глухарей?

– Или «висяков». Нераскрытые убийства. Их так обыграть можно!

– Господи, и откуда в тебе такая страсть к изнанке жизни?

Венька подошла ко мне и обняла за шею.

– Это не изнанка жизни. Это жизнь. Но если ты не хочешь – мы вполне можем отказаться.

Больше всего мне не хотелось вступать с ней в дебаты, тем более что под окнами уже давно маячила машина Марика.

Несколько раз мальчики даже нетерпеливо посигналили, но подняться не решились.

– Тебе пора, – сказала я.

– Да, – подозрительно легко согласилась Венька, поцеловала меня в щеку и на минуту задержалась в прихожей – у своих вещей, так и не разобранных мной с утра.

Она порылась в них, достала вызывающего вида вечернее платье; этот маленький кусок ткани, купленный специально для коррид в Доме кино и безотказно действующий на все мужское поголовье, вызывал во мне странные чувства – смутную зависть и вполне осознанный протест.

– Тебе нравится? – спросила Венька.

– Ты же знаешь, я терпеть его не могу. И тебя в нем терпеть не могу. Ты выглядишь как шлюха.

– Дешевая шлюха.

– Нет, не дешевая. Я этого не говорила.

– Ужасно тебя люблю! Все, пока!..

...Она разбудила меня посреди ночи, бесцеремонная, как всегда.

– Подарок!

И бросила на кровать маленький сверток.

– А дня нельзя было дождаться? – в который раз я пожалела, что дала ей ключи от квартиры.

– Вставай, вставай, соня!

– С ума сошла – три часа ночи!

– Три часа утра! Утра, а это две большие разницы. А в Америке вообще день божий!

Я села в кровати – всклокоченная, злая, в наглухо застегнутой под ворот байковой ночной рубашке.

– Очень эротичное бельешко. От Кардена? – Венька смотрела на меня с нежной жалостью, соплячка.

– Ивановский суконно-камвольный комбинат.

– Ценю за патриотизм. Ладно, не сердись! Посмотри лучше, что я тебе привезла!

Я медленно открыла пакет двумя пальцами – не очень-то я доверяла Венькиным подаркам.

– Ну что, – она присела на краешек кровати, – узнаешь брата Колю?

...Это было точно такое же платье, даже расцветка та же – Венькина утренняя исповедь не была ни моим бредом, ни ее мистификацией: она действительно решила сделать меня своим блеклым отражением, своей недостающей половиной.

– Вставай и отправляйся на примерку, – в Венькином голосе прозвучали жесткие нотки.

– И не подумаю.

– Решила остаток жизни провести в байковой рубашонке?

– Не твое дело.

– Ну, пожалуйста... – она сразу же сменила тон, – ну, сделай это ради меня... Не понравится – разрежем его на новогодние гирлянды.

Легкая, невесомая кожа платья была здесь, под рукой, – она искушала меня неизведанностью другой жизни.

И я дрогнула.

Я взяла проклятое платье и шмыгнула в ванную. Там, закрыв глаза, я скользнула в него – так вор наудачу проскальзывает в чужую, оставленную без присмотра квартиру.

Я сосчитала до пяти, потом – до десяти, набрала воздух в легкие, толкнула дверь и предстала перед Венькой.

Венька тоже успела переодеться в платье.

– Ну, где тут зеркало? – громко, чтобы скрыть стеснение, спросила я.

– Зачем? – Она стояла против меня, зажмурившись от удовольствия, довольная произведенным эффектом. – Зачем? Я – твое зеркало! Мы ведь здорово похожи. Я знала, что мы похожи, я чувствовала – вот, смотри!

– Я не хочу быть твоим отражением!

– Тогда я буду твоим отражением, – яростно прошептала она в ответ.

– Нет, – это прозвучало сомнительно; за всю свою двадцатилетнюю жизнь я не научилась говорить ни «нет», ни «да» – никто не требовал от меня никаких решений.

...Она схватила меня за руку – смотри!

И бесстрастное зеркало в прихожей вдруг высветило две почти одинаковые фигуры, одинаковые волосы, даже головы мы склонили одинаково – идеальный симбиоз. «Мышь! Может быть, ты тоже потеряла в детстве сестренку-близнеца?»... Но спросить было не у кого – мама умерла пятнадцать лет назад, а с отцом я так и не научилась находить общий язык.

А потом я поняла, что это легкомысленно-стервозное платье в общем-то идет мне, нужно только не бояться. Но сил не бояться не было: слишком долго я прожила в коконе собственной безликости, в тени других людей.

Голые плечи показались мне слишком бледными, ноги – слишком худыми, грудь – слишком маленькой...

– Теперь макияж, – деловито сказала Венька, – и прекрасный лебедь будет налицо. Кстати, какие цветы тебе больше нравятся – розы или хризантемы?

– Я не люблю цветы. – Я вспомнила их дом, усеянный лепестками именно этих цветов.

– Значит, хризантемы. Тогда розы я оставляю за собой.

...Остаток весны она подбирала мне макияж – и я смиренно терпела ее бесцеремонные руки на своем лице. Она даже не злилась, что мое лицо отторгает любую косметику.

– Ты пойми – все внутри тебя, ты же взрослая девочка... Как только почувствуешь, что готова, то и лицо почувствует, что готово...

Лицо не готово, тело не готово – я была не готова к жизни вообще, мне всегда нужны были проводники. «И Венька – не самый худший проводник», – сказала я себе в мае, когда в окне зазеленел противостоящий городу лес.

«Соглашайся».

«Соглашайся на все условия. Так бояться жизни, так не хотеть ее – это тоже сумасшествие, ничуть не лучшее, чем безумные Венькины идеи. А так – хоть кто-то будет с тобой».

И я сдалась, я перестала противиться – и тогда и тени, и помада прекрасно легли на мое лицо – лицо смирившейся со всем фарфоровой куклы.

И в мае я наконец стала похожей на нее.

А в июне появился Нимотси.

* * *

Он появился, когда Венька уехала в Питер – всего лишь на два дня, на переговоры с очередным режиссером без образования. Олег, кажется, его звали Олег. Он окончил Горный институт, вовремя занялся тупейшей рекламой пива и разбогател на этом. По слухам, он никогда не курил, терпеть не мог спиртного и снимал шикарный офис на «Ленфильме».

Теперь этот праведник жаждал большого кино. Он жаждал проснуться знаменитым, во всяком случае – раскупаемым на видеокассетах. И мы с нашей дешевой занимательностью как нельзя лучше подходили ему.

Венька звала меня с собой, но я осталась: два одинаковых лица в спальном вагоне «Красной стрелы» – это слишком.

Я осталась, чтобы поздно вечером услышать шорох за дверью. Шорох был незначительным – таким незначительным, что я насторожилась. Шорох был не свойствен моему девятому, последнему этажу – чаще всего здесь звучали гнусавые вопли рэпперов, стоны совокупляющихся маргинальных парочек и маты бьющихся насмерть бибиревских гопкомпаний.

Я приоткрыла дверь, хотя в любом другом случае не сделала бы этого – шорох был безобиден, наверняка какой-то бомж располагается на ночлег.

Я приоткрыла дверь и увидела Нимотси.

Он сидел на последних ступеньках пролета, прямо под открытым люком, в котором болтались ранние звезды. Я узнала его только по изношенным вечным ботинкам – сейчас они были расшнурованы, а штанина грязных джинсов непонятного цвета – закатана.

Икра Нимотси была перетянута ремнем. Он только что ввел шприц и теперь следил, как жидкость из шприца перетекает в тело. Наркотик подействовал сразу – Нимотси блаженно откинулся. На его впалых висках блестели капли пота. Обросший, с заостренными чертами лица, в грязной джинсовой рубаше – если бы я встретила его в переходе, то обязательно сунула бы ему мятую тысячу. И стыдливо прошмыгнула мимо, так и не узнав.

Я вцепилась в дверной косяк, чтобы не упасть.

– А я тебе подарочек привез, – буднично сказал Нимотси, полез в карман рубахи и достал брелок: маленький Акрополь на цепочке.

Я не могла говорить, только почувствовала, что по лицу побежали слезы.

– Господи, это ты...

– Уже не я... – он улыбнулся мне улыбкой мертвеца, – извини за антураж. Спасибо вдове профессорской, еле тебя нашел. Далек забралась.

– Что с тобой?

– Сорвал «джек-пот» в спортлото. 6 из 49. Разве не видно?

Я помогла ему встать, без труда приподняв легкое, как у ребенка, тело.

– Очень мило с твоей стороны. Багаж не забудь.

Я взяла маленький рюкзачок Нимотси – в нем что-то звякнуло.

– Аккуратнее, – дернулся Нимотси.

– Господи, неужели ты стал колотиться?

– Риторический вопрос. Ужели, милая, ужели. Лекарственные травы уже не спасают. Пришлось перейти на синтетику. Надеюсь, ты не будешь возражать?..

В прихожей я опустила перед Нимотси на колени и осторожно сняла с него ботинки. Носков не было. Нимотси равнодушно поджал голые грязные пальцы.

– Ты изменилась, – Нимотси, сощурившись, смотрел на меня. – Замуж вышла, что ли? Или брови выщипала? И пахнешь хорошо... Жаль, что не переспал с тобой. Теперь уж не получится. Ничего не получится...

– Какой ты грязный...

– Грязный... Это правильно, Мышь! Грязный, грязный. – Он вдруг сорвался в хриплый крик и ударил себя кулаком по голове – голова дернулась, как у тряпичного клоуна. Я сняла с него рубашу, потом штаны – он не сопротивлялся; он как будто наблюдал за мной и за собой со стороны. Меня поразила его худоба.

– И худой...

– Не худой, а модель от Лагерфельда. – Нимотси провел рукой по торчащим ребрам. – Торс как гладильная доска. И жопа как две пачки махорки. Это сейчас носят в Европе.

Почти час я мыла его в ванной; он не стеснялся ни своей наготы, ни безобразно исколотых рук – он вообще ничего не стеснялся, он был равнодушен ко всему. Лишь когда я вымыла ему голову, Нимотси вдруг обнял меня и заплакал.

– Прости...

– Стой смирно! – Я завернула его в махровую простыню и с трудом поборола искушение отнести в расстеленную кровать.

– Прости меня, пожалуйста, – снова повторил он, – я во всем виноват...

– В чем? Сейчас это лечится. Но если бы я знала – никогда бы не отпустила тебя.

Он вдруг ударил меня – с силой, которая казалась удивительной для этого почти невесомого тела. Удар был тяжелым, отчаянным, беспощадным. У меня хлынула кровь из носа.

– Почему?! Почему ты отпустила меня?! Почему?!

Нимотси тяжело, трудно заплакал, закричал, заорал, свалился на пол, забился в истерике.

– Почему?! Почему ты отпустила меня?..

Я молча легла рядом с ним, крепко обняла – он все еще бил меня, но удары становились слабее.

– Что произошло? Что произошло за этот год?

– Не сейчас. Потом. Завтра.

Он вдруг увидел кровь у меня под носом, и это произвело на него странное впечатление: Нимотси отпрянул, глаза его закатились, кадык дернулся – так сильно, что мне на секунду показалось, что он разорвет его тонкое горло.

Нимотси выпустил меня из рук и бросился в комнату.

Я пошла за ним – он уже сидел на кровати, забившись в самый угол.

– Не подходи ко мне! Я ненавижу кровь!.. Не подходи...

Кровь долго не останавливалась – я успела замочить его вещи, сразу же выпустившие из себя темно-коричневую грязь, и накапать в рюмку валерьянки.

Когда я вернулась в комнату, Нимотси все так же сидел в углу на кровати.

– Выпей, – твердо сказала я.

– Пошла ты на хер со своими совдеповскими средствами, – вдруг заорал он, – сама ее будешь пить, когда сдыхать будешь в доме ветеранов сцены!..

– Ну что с тобой? Успокойся... Успокойся, пожалуйста.

Плюнув на валерьянку, я села рядом с ним на кровати и обняла его. Нимотси сразу обмяк, вытянулся и прижался ко мне.

– Не уходи.

Я держала в руках его тело, баюкала его – бедный мой мальчик, бедный, бедный – когда-то так баюкал меня Иван, – что же случилось с тобой?..

– Все будет хорошо, – шептала я ему. – Все будет хорошо... Мы все равно спасем тебя, даже если ты будешь брыкаться, как мул. Нет ничего такого, чего нельзя было бы исправить... Мы живы – и это главное. Спи, мой хороший, мой родной... Ты дома – и все будет в порядке.

...Я проснулась одна – Нимотси рядом со мной не было. В коридоре, за входной дверью слышались всегдашние голоса. «Не иначе пошел колотиться, чертовы наркотики; спокойно, Мышь...» Я вышла в коридор и замерла – Нимотси сидел под дверью, сжимая в руке нож – дурацкий тупой нож из итальянского столового набора.

– Господи, что ты?!
– Слышишь? – истеричным шепотом спросил Нимотси, завернутый в простыню. – Там, за дверью!

– Ну и что? Там все время кто-то колготится. Очень романтическое место. Выше только звезды и самоубийцы.

Нимотси вздрогнул.

– Это за мной.

– Ты с ума сошел.

– Говорю тебе – за мной... Но я не дамся. Если уж в Греции вывернулся... Где мои вещи?

– Я их замочила. Постираю утром. И купим тебе что-нибудь попримочнее. Чтобы не стыдно было показаться врачам-наркологам, они консервативные дядьки...

– Сука! – Он с ненавистью посмотрел на меня. – Сука! Кто тебя просил?! Зарежут как петуха, в простыне, голого... Не хочу, не хочу, не хочу... – Он тихонько завыл.

– Успокойся... Там наверняка бомжи какие-то. Водку пьют. Они всегда там водку пьют. Я решительно отстранила его.

– Нет, это за мной. Они должны... Я точно знаю, что за мной...

Когда дверь открылась, Нимотси сжался в комок, выставив нож впереди себя.

...На площадке сидели два жизнерадостных бомжа с рожами фиолетового цвета.

Я шуганула их, как шугают бродячих собак:

– А ну, пошли отсюда!

Бомжи безропотно удалились.

Я закрыла дверь и тихонько отобрала у обмякшего Нимотси нож.

– Вот видишь – в порядке.

– Ничего не в порядке! – Он отчаянно замотал головой.

– Идем отсюда. Ты же не можешь всю ночь сидеть в коридоре.

– А всю ночь в канализационной трубе – по шею в дерьмище?.. А в вентиляционном люке? А в одном ящике с вонючим турком, которого долбит лихорадка?.. Могу, могу... Я теперь все могу, Мышь...

– Ты влип в какую-то историю?

– Влип! – Лицо Нимотси исказила страшная гримаса, он судорожно вздохнул. – «Влип» – это не то слово. Ты помнишь Юленьку Косикину?

Конечно, я помнила Юленьку Косикину. Слепительную красавицу Юленьку, глупейшее и добрейшее существо с актерского факультета. Иван называл ее «овцой». Юленьку можно было воспринимать только в горизонтали, но в горизонтали она была действительно боже-ственна. За Юленькой считали своим долгом подволочиться все уважающие себя режиссеры и часть сценаристов, тоскующих в душе по славе Тонино Гуэрры. Уж кто-кто, а Юленька должна была устроить свою судьбу, подцепить какого-нибудь денежного серба-эмигранта или идиотски-жизнерадостного мормона из штата Юта.

– Помню. Еще бы! Она что, вышла замуж за грека?

– Она умерла.

– Ужасно. – Известие о смерти Юленьки не вызвало во мне никаких чувств, кроме легкого укола зависти – ну вот, еще кто-то решился умереть молодым.

– Точнее, ее убили. Ее убивали пять часов. Сначала исхлестали спину в кровавое месиво – знаешь, такими хлыстами, вымоченными в соли, со свинчаткой на концах. Ее прижигали сигаретами – десять, двадцать волдырей, и все вытянуты в одну линию, от шеи к животу, между грудями. А потом по этим линиям вспороли живот и слили туда сперму. Сперму пяти человек, которые насиловали ее все эти пять часов... Так ты помнишь Юленьку? Помнишь, да?!

Потрясенная, я молчала.

– Это ничего тебе не напоминает?

– Напоминает?

– И еще одна маленькая деталь – у нее была цепочка на щиколотке. Твой привет мне, ты всегда была очень щепетильна, ты никогда не забывала передавать мне привет...

Что-то страшное надвинулось на меня, отбросило к стене – так мы сидели друг против друга, поддерживаемые стенами.

– Я не понимаю...

– А чего тут понимать? Ее убивали пять часов, и все это время я снимал. Я сам стоял за камерой, потому что оператора тошнило, а потом он обкололся... Я сам стоял за камерой – и снимал, снимал, снимал. Гиперреализм, сука, эстетика, зашибись!..

Он забился головой о стену и страшно захохотал.

– Ты... Ты хочешь сказать, что...

– Что все твои сценарии воплотились до последней точки с запятой! Ты ведь любишь точки с запятой... И все это было по-настоящему.

– Я тебе не верю, ты врешь! Избавь меня от своих дурацких галлюцинаций, посмотри на себя, ты же законченный наркоман! – Я действительно не верила ему, наркоману, исколовшемуся до последней возможности, а не поверив, сразу успокоилась.

– Знаешь, скольких еще замучили после Юленьки? И детей... Дети были из Румынии, они ничего не понимали... Они так плакали, что посрывали голоса, даже хрипеть не могли. Там был один мальчик, Михай... Я спас его, я правда – только одного и спас... В перерыве вколол героин, хер знает сколько, только чтоб он не мучился, отъехал и не вернулся. Когда боженька, блин, прижмет меня, скажу, что спас его... Не могу, не могу, не могу...

Он пополз на кухню, на ходу теряя простыню, оставив меня сидеть у стены – раздавленную, оглушенную.

Это неправда, это не может быть правдой, бред, плохое кино, так не бывает, его надо лечить, зачем он только ввязался в это, зачем я только ввязалась, зачем я отпустила его, бедный, бедный мальчик, а еще говорят, что это астрал – героиновый драйв, ад кромешный... Я вдруг вспомнила все то, что писала, – все эти кровавые непристойности, де Сад, срисованный с высунутым от усердия языком, – вспомнила и заскрипела зубами.

– Ты врешь!..

На кухне послышался звон посуды – на пол летели чашки, тарелки; потом грохнулось что-то тяжелое, конечно – керамический чайник, ценная вещь, которую Венька притащила из антикварного; огромные экзотические птицы с китайскими раскосыми глазами, растрескавшимися от времени... Что же ты делаешь, гад?!

– Иди сюда! – истерически заорал Нимотси. – Иди сюда, помоги мне...

...Он сидел посреди кухни, прямо на осколках битого стекла, из его рюкзака было вывалено все содержимое: потрепанный блокнот, видеокассеты, какие-то проспекты и карты, сложенная ручка, огрызок карандаша, пригоршня таблеток, мелкие чужие монеты, которых я никогда не видела раньше; шлеей от рюкзака он перетянул себе ногу – так же, как вчера вечером, на лестнице.

– Ч-черт, не могу попасть! Не могу попасть, мать твою!.. – Он беспомощно тыкал шприц в ногу.

Я с ужасом смотрела на него.

– Что глаза вылупила? – злобно спросил Нимотси. – Помоги лучше, ничего не получается – видишь?!

– Что нужно делать? – Я вдруг удивилась своему спокойному голосу, который отрезвляюще подействовал даже на Нимотси.

– Я зажму, а ты найди вену. Вколешь.

– Никогда этого не делала.

– Не труднее, чем в задницу. Давай...

Он стянул шлею еще туже – но это было бесполезно, вены не подавали признаков жизни, не хотели всплывать на поверхность: только бледная, покрытая редкими волосками кожа.

Нимотси сжал зубы и закрыл глаза.

– Ну?!

– Я не могу... Не могу найти.

– Давай! – Костяшки его пальцев побелели от напряжения, и, когда тонкий кожаный ремень надломился и треснул, я увидела одну – тоненькую, нежно-голубую, смиренно стоящую – как рыба под толщей льда.

Игла легко прошла кожу, и я выпустила в тело Нимотси содержимое шприца.

Он откинулся на пол – тонким позвоночником на стекло, – вытянул руки и затих.

Я несколько минут бесполезно просидела рядом с ним, а потом начала собирать стекла.

– Мы найдем тебе нарколога. Хорошего...

– Мы? Кто это – «мы»? Наша затворница обросла сестрами во Христе?

«Сестрами» – как в воду глядишь, Нимотси, даром что законченный наркоман».

– Неважно. Все равно надо что-то делать, иначе кто тебя будет колоть без меня?

– А я уже не буду без тебя, – его голос прозвучал странно весело.

– А если мы их больше не найдем, твои вены?

– Война – фигня, главное – маневры... Буду колоть себя в яйца, как на зоне.

– Ты и это знаешь?

– Я теперь все знаю.

Я подняла с пола черепок – с черепка на меня смотрел грустный раскосый глаз птицы.

– Ты разбил мой любимый чайник.

Никакого ответа.

– Вдребезги разбил, а я на него загадала.

– Ты очень удивишься, но, кажется, я разбил все на свете и твою лягушачью жизненку тоже. Я приехал за тобой. Нам нужно сваливать отсюда.

– Куда?

– Куда-куда... В жопу труда! Ты разве не поняла, что я сказал тебе? Все это было правдой. Там, где я работал, убивали людей по-настоящему!

– Не хочу слушать твой бред! – Я закрыла уши, но это не помогло: его тихий голос все равно просачивался в меня.

– Тихое такое местечко, пригород Афин, шикарный вид, частные владения – хрен сунешься, охрана по периметру, бассейн с подогревом... Рожи только наши, восточноевропейские, ты же знаешь, как это делается: «Набираем девушек для работы официантками в лучших барах Европы», все лучше, чем сидеть без зарплаты и за копейки члены сосать желающим... Лучше, конечно, через Польшу, у них это дело хорошо поставлено. Набирает такое липовое агентство грудастых жопастых малоимущих бабенок и гонит все поголовье через границу по сомнительным ксивам. Сейчас такой бардак... Две югославки были классные, просто ништяк, но наша Юленька все равно лучше... Меня когда Володька Туманов с этими людьми сводил – говорил, просто обыкновенная порнуха... Здорово был упакован.

Вечный студент, Володька Туманов, был однокурсником Нимотси, потешным альфонсом при зажиточных киноведках из хороших московских семей. Он без конца брал академки, тусовался в каких-то клубах и модных московских журналах, сам завел журнал, погоревший через три месяца по причине вялого невкусного эротизма. А теперь, оказывается, стал одним из действующих лиц в жизни Нимотси.

– Никакое не действующее лицо, кондом рваный, «шестерка», гад! – бесцветным голосом сказал Нимотси. – Я сам, сам виноват... Не нужно было подписываться, не нужно было тебя втягивать... Но я не знал... Я не знал, я думал – подванивающая работенка, так, разовый

вариант, чтобы хоть чуть-чуть приподняться, тоже кино, хоть и отвратное... Я скучал по кино, господи, как я скучал по кино... Я не знал, что так получится. А когда узнал – поздно было, охрана по периметру.

Я молча собирала осколки и черепки; чтобы вынуть их из-под Нимотси, я осторожно перевернула его – он ткнулся лицом в пол.

– Мы отсняли только три фильма, по часу. Четвертый не закончили. Но трупов было море, и героину – тоже. Там все было для съемочной группы... И волчар, которые актерскую скотину забивали, и кока, и морфий, там иначе нельзя было выжить, либо в дурку, либо в петлю. Мужиков не убивали, только детей и девушек, про мужиков еще должны были снять – специальную серию, педрильскую... Один парень, просто мясник, так резал – зашибись, даже на камеру брызги попадали... Из Львова, кажется, – плевал он на героин, на вонючей ханке сидел, а потом и на это плюнул: кровь – самый крутой наркотик, его слова... Так вот – он говорил, что все это – для всяких высокопоставленных херов и богатеньких извращенцев, и распространяется по Европе чуть ли не с дипломатической почтой. Ч-черт, я думал... Пока еще думать мог, пока еще мозги в астрале не оставил – что они хотели это на широкую ногу поставить. Какой-то наш суперовый хер, русский, между прочим, за этой идеей стоял. Тебе-то самой нравится идеяка, а? – вдруг хихикнул Нимотси.

– Разве что в качестве сюжета. Ты попал. Большое воображение теперь в цене, – мне надоело слушать его бредни.

– В качестве правды, – он забросил руку мне на шею, больно притянул к себе, – ты до сих пор не поняла, что это правда?

Я устала, мне не хотелось спорить.

– Хорошо, я поняла. Это – правда. Идем, я тебя в кровать уложу.

– А мне и здесь хорошо. Наш оператор еще на первой картине повесился, слабачком оказался. А я вот – ничего себе. Ты можешь мной гордиться. Потом они финна какого-то привезли, флегму долбаную – пис-сала, как-кала, пук-кала, вирвала, на х-хер! – он доснимал. Нас близко к актерам не подпускали, только его, он все тела проверял, чтобы масло хорошо лежало, чтобы красиво смотрелось, очень профессионально... А нас не подпускали, мы никого не могли предупредить и сказать ничего не могли. – Нимотси привычно заплакал, и тихие слезы вдруг страшно исказили его лицо, мгновенно постаревшее на десять лет. – Но я его спас. Спас этого мальчика... А даже если бы и смогли сказать – все равно никого бы не выпустили.

– Тебя же выпустили, – поймала я его и наконец-то перевела дух: все неправда, неправда, неправда!

– Они свернули производство, и все. Возле их сраных частных владений какие-то людишки шарашиться стали, и на рожах у них было написано, что – Интерпол.

– Так прямо и было написано?

– Нет... Это я потом вроде как узнал. Они всех убили, на всякий случай, для профформы. И львовского волчару тоже – туда ему и дорога, гаду, он Юленьку больше всех мучил... А меня один из охранников вывел, еще до того, как резня началась, грек, отличный парень, забыл, как зовут. Я его морфием снабжал, у него мать от рака умирала, а потом еще оказалось, что старший брат в Москве учился... Я у него пересидел, не знаю сколько, их допрашивали – всех, кто охранял, – люди из Интерпола, но они-то ничего не знали, на виллу их не пускали, жили рядом, в маленьком доме, и звукоизоляция была... Этот грек, забыл, как зовут, он меня в Румынию отправил, а там из Констанцы в Одессу... Но они все равно меня достанут, я один все знаю... Я один! Они меня найдут и убьют...

– Ну пока не нашли – идем спать. Утро вечера мудренее.

– Ни хера не мудренее, в том-то вся и печаль. А если не найдут... Нет, найдут, они ловкие ребята! Я и сам скоро сдохну... Скоро сдохну, я чувствую... Мне кайф нужен, хотя бы два раза в сутки, тогда я продержусь... Хотя бы два раза... Всего лишь два раза, Мышь...

– Вставай, ты замерзнешь здесь, голый, на полу...
– Хорошо, хорошо... Но ты тоже иди со мной. Не оставляй меня, ладно? Я к тебе приехал, у меня больше никого нет, а сам я быть не могу, не могу... – Он снова затрясся.

– Ну успокойся! Я здесь, я никуда не делась. Завтра придет один человек. И мы решим, что делать.

– Какой на фиг человек? Только ты и я, ты и я!..

– Хорошо, пусть ты и я.

– У тебя есть деньги?

– Если тебе нужно купить наркотик – я не знаю, где его достать, я правда не знаю...

– Я знаю, но дело не в этом. Нужны баксы – все, что есть. У тебя ведь есть, да? Мы уедем завтра. Сначала куда-нибудь на восток, за Урал, подальше... Потом – на Чукотку, оттуда можно свалить в Штаты через Аляску или остаться в Канаде. Конечно, остаться в Канаде, там леса, территория зашибись. Хочу подохнуть где-нибудь в приличном месте.

– Никуда я не поеду. И тебя не пущу. Тебя лечить надо, друг мой Нимотси, вот бы Иван на тебя посмотрел...

Он снова ударил меня, очень уж легко у него это получалось.

– Дура! Тебя все равно достанут, даже наверняка – если не те, то эти.

– Господи, я-то тут при чем? Писала сценарии на заказ, и все.

– Ага, а потом по этим сценариям людей пачками на тот свет отправляли. Целку-то из себя не надо строить, не в яслях «Теремок». Ты что, сможешь доказать, что ничего не знала?

– Кому доказывать? Интерполу из твоего большого воображения? И вообще, – я страшно устала, я хотела спать, – если ты так трясся за свою шкуру, то почему не остался в просвещенной Европе, не пошел, подняв лапки, в какую-нибудь полицию?

– И что бы я сказал? Их убивали, а я смотрел? Смотрел и не жужжал?

– Ну тогда просто натурализовался в какой-нибудь Голландии под личиной грека-киприота. Там наркотики легализованы, так что вообще никаких проблем, их даже бесплатно выдают, чтобы раньше времени не загнулись такие конченные типы, как ты.

– Конченный тип, конечно... Европа маленькая, вся на ладони, просматривается, как только что отремонтированная кухня без мебели... Там не спрятаться. – Он страдал манией преследования. Ясно: целый букет психических заболеваний, бедный мой Нимотси, представляю, как бы цинично смеялся Иван. Для Веньки это был бы только повод для сюжета, не самого лучшего – маленькая предательница...

– Тогда почему Канада? Отправляйся в Колумбию куда-нибудь, поближе к джунглям и Медельинскому картелю, милое дело.

– Не добраться... Я не доберусь, сдохну. Мне всего ничего осталось.

Мне надоело слушать его бред.

– Ну если тебе всего ничего осталось – тогда пусть эти твои «они» найдут тебя, и никакой трагедии, какая разница – месяцем раньше, месяцем позже.

– Не хочу умирать, не хочу, – заскулил он.

– Что ж ты так цепляешься за жизнь, если не можешь жить? – Я наконец-то оторвалась от Нимотси и вышла из кухни, насквозь пропитанная его бредовым отчаянием.

– Я не хочу умирать, потому что там будут они, – бросил мне в спину Нимотси трезвым спокойным голосом. – Там, куда все попадают после смерти. Там будут они, все, кого убили. И мне нечего будет сказать им. Нечего. И вот этого я боюсь больше всего...

Он пришел в комнату, голый и тихий, лег рядом со мной, прижался ко мне, как ребенок, – так крепко, так отчаянно крепко, что я чуть не заплакала.

И почувствовала, что напряжение вдруг отпустило его наконец-то; и, как бабочка из куколки, вылупился тот, прежний Нимотси, который целовал меня в аэропорту и которого я никогда не забывала.

– Все хорошо, все хорошо, – шептала я ему.

– Только ты не засыпай, пока я не засну. Я устал быть один, я все время был один, а теперь больше не хочу, не хочу.

В конце концов он уснул, а я еще долго рассматривала его изможденное лицо в свете начинающегося утра.

– Пожалуйста, я прошу, пожалуйста, – бессвязно шептал он во сне, а я клала руку ему на губы, на прохладный восковой лоб – «все хорошо, все хорошо»...

...Я проснулась с тяжелой головой – и сразу вспомнила кошмар предыдущей ночи. Слава богу, сегодня приезжает Венька – на часах было девять. Значит, скоро она появится, если не вздумает прилететь самолетом, ей всегда нравились самолеты.

Ей всегда нравились самолеты, я всегда была без ума от порядка, но сейчас в комнате все было перерыто: вещи, книги, рукописи были смешаны в диких пропорциях, как коктейли сумасшедшего бармена, всю жизнь проработавшего на киношную гонконговскую мафию.

...А все, что осталось от моего друга Нимотси, умиротворенно сидело на кухне и лакало кофе из жестяной коробки чая. Весь чай – господи ты боже мой, «Выбор императора», бешеные деньги за сто грамм! – был высыпан на пол. А на плите, в кастрюле, булькали ингредиенты для кайфа.

– Приветик! – бодро сказал Нимотси. – Кофе хочешь?

Я молчала.

– А кайфу? – Он явно издевался, каждую секунду не прощая мне своей ночной сумасшедшей слабости. – Скоро поспеет.

– Что за разгром ты учинил?

– Паршивая у тебя квартира. Такую и бросать не жалко.

– Я не собираюсь ее бросать.

– Ты, видно, ничего не поняла из вчерашнего.

Кошмар продолжался. Я села против Нимотси и отпила остывший невкусный кофе из его жестянки.

– Что ты искал?

– Бабки.

– Нашел?

– Сама знаешь, что не нашел. Так, мелочевка, на две дозы от силы. Здорово ты их прячешь, где только?

– Я прячу их в банке.

– Банку я что-то не приметил.

– В сберегательном банке.

– Идиотка! Кто же их там держит в этой гребаной стране?

– Я.

– И много?

– На гроб из красного дерева хватит. Тебя тоже упакую в последний путь, не сомневайся. Благо, недолго ждать осталось. – Нимотси стал раздражать меня.

Он с ненавистью посмотрел на меня.

– Придется тебе все снять. Мы уезжаем.

Я грохнула жестянку с кофе об пол, никакого эффекта, жалкое подобие ночной, почти трагической, сцены с битьем посуды.

– Ты уезжай, если хочешь – хоть в Канаду, хоть на Острова Зеленого Мыса... Дам тебе отступного – и попутного ветра в горбатую спину.

– Это мило. И плевать, что столько лет из одного корыта дерьмо хлебали и в одной кровати спали, тщедушными тельцами прижавшись. Нехорошо выходит, а? Ты, моралистка!

Бедный мой Нимотси, спасавший меня от тоски по Ивану, лежавший с ботинками на диване в квартире на «Автозаводской», отчаянно поцеловавший меня в аэропорту – мне стало нестерпимо стыдно за непроходящее глухое раздражение к нему.

– Я никуда не поеду, – мягко сказала я, – у меня здесь все: жизнь, куча работы, счета за телефон... У меня обязательства перед людьми, которых я люблю. И которые любят меня...

– Что ты говоришь? «Которые любят тебя...» Сейчас с двух раз угадаю, кто это любит тебя! Какая-нибудь дешевая провинциальная срань с юрким пенисом, альфонсишко, который сосет из тебя бабки на галстуки и любовниц... И играет на тебе, как Ростропович на виолончели.

– Заткнись!

– Что, правда, правдочка и маленькая правда глаза колют?

– Пошел вон из моей квартиры!

– Не на порно ли денюжки ты ее прикупила?

Я больше не могла оставаться с ним в одном пространстве – еще пять минут, и мы разругаемся в хлам, я этого не хотела, я действительно была моралисткой, куцей моралисткой.

Я ушла в комнату, начала бесцельно собирать вещи, разбросанные Нимотси.

– Ну что?! – заорал он из кухни. – Ширяться будем?

– Пошел ты! – заорала я в ответ.

– Как знаешь. А то бы на пару отъехали.

В прихожей зазвонил телефон.

– Не бери трубку! – страшно закричал Нимотси.

– Не сходи с ума, – холодно ответила я; это Венька, конечно же, ну, слава богу, теперь-то мы быстро разрешим все проблемы...

На том конце трубки молчали.

– Перезвони, – я дунула, послушала – молчание, – перезвони, тебя не слышно.

Нимотси стоял на пороге кухни, белый как мел.

– Кто это? Кто это звонил?

– Конь в пальто! Сорвалось – вот и все.

Я быстро набрала Венькин номер – короткие гудки.

Нимотси заметался по квартире, многосерийная эпопея продолжилась.

– Это они... Они меня вычислили... Нужно сваливать отсюда... Вот блин, даже одеться не во что! Что у тебя за хахель – из труппы лилипутов, что ли?... Ну, ты и сука, лишила меня кожного покрова!

– Что ты несешь?!

– Какого ляда нужно было шмотки мои стирать, кто тебя просил? В чем теперь ноги делать?! И рюкзак порвался, вот черт! – Он схватил свою записную книжку, потрепанные карты, огрызок карандаша.

– Да... – я меланхолично наблюдала за ним, – не всех дурных война забрала. Успокойся ты... Я тебе «паркер» подарю.

– Плевал я на твой «паркер». Ты даже не знаешь, что у меня тут... Что у меня тут снято!..

Он все еще носился по квартире со своим богатством, когда зазвонил телефон.

На этот раз это действительно была Венька.

– Эй! Ты жива еще, моя старушка?

– Привет! Тут сорвалось...

– Ничего не сорвалось, – в Венькином голосе сквозило скрытое торжество: так было всегда, когда она складывала заказы к моим ногам – так такса виляет хвостом, ожидая от хозяина похвалы за пойманную лисицу, – ничего не сорвалось! Наоборот. Этот уважаемый лох из Горного был в восторге от наших идей... Рожа, правда, вегетарианская, волосики зализанные, как у трактирного полового, но... В общем и целом... Что такое «триллер», не знает, но, когда

я объяснила, возрадовался и попросил что-то зубодробительное на банковскую тему. У него приятель – банкир, он-то, самоубийца, и выкладывает деньги. Я подписала все бумажки, аванс получим в конце недели. Ты рада?

– Рада, – соврала я. Больше всего меня сейчас беспокоила проблема свалившегося на голову Нимотси. Решить ее одна я была не в силах, безвольное, бесхребетное существо. – Ты приедешь?

– Куда я денусь? Надо же это отметить. Форма одежды номер пять и выпивка за счет заведения. Буду через два часа. Кстати, расскажу тебе одну забавную вещь – ты умрешь! Я ведь хотела лететь самолетом, никогда еще не летела из Питера в Москву самолетом... Так вот, меня завернули. Сказали, что паспорт – не мой, вообще другое лицо, и выгляжу намного старше, – она помолчала, – лет на двадцать шесть. Вот видишь...

– Лучше бы я выглядела на девятнадцать, – я все еще боялась этой полной идентификации, но уже смирилась с ней.

– Мы подумаем об этом, – весело пообещала Венька. – Так форма одежды номер пять, не забудь.

– Да.

Я повесила трубку.

Нимотси стоял, прислонившись к дверному косяку, и внимательно прислушивался к разговору, скрестив руки на голой груди, – теперь он был в Венькиных джинсах, которые едва доставали ему до середины икры. Но, слава богу, свой архив он куда-то пристроил.

– Что, кто-то к нам припрется?

– Да.

– Надо же было так ошибиться! Значит, с мужиками у нашей фригидной самочки полные кранты, и она запрыгала по девочкам!

– Это не то, что ты думаешь, – мне не хотелось вступать с ним в дискуссию.

Я отправилась в комнату, за формой одежды номер пять – это была моя первая серьезная уступка Венькиному скрытому безумию. Каждый удачно подписанный контракт мы отмечали маленьким фуршетом, приправленным формой номер пять или «рабочей лошадкой»: комбинезон на голое тело, короткая джинсовая жилетка и серебряный браслет в виде чередующихся черепашек разных размеров. Венька сама выбрала одинаковые комбинезоны и одинаковые жилетки в каком-то навороченном магазинчике для стареющих хиппи. В придачу ей сунули кассету «Душа черного Перу» и плохо отпечатанную брошюрку Блаватской. Блаватской мы застелили мусорное ведро, а кассету слушали иногда под текилу. Венька любила текилу.

Нимотси продолжал доставать меня.

– Значица, теперь к бабенке приклеилась, а, Мышь?

Я молча одевалась.

– Знаешь, я часто о тебе думал раньше, когда был человеком, – лицо у Нимотси стало вдруг мягким и старым, и мне захотелось прижать его к себе, – когда был человеком, а не проклятым куском мяса, который ненавидит себя и боится всех остальных... Я даже пытался вспомнить твое лицо – фотографию я потерял, вернее, – она пропала. Нашу фотографию, помнишь? Я пытался вспомнить, но ничего у меня не получилось. Я даже не мог сказать – красивая ты или нет...

– Некрасивая, некрасивая, – я сжала зубы и перебросила через плечо лямку комбинезона, – я некрасивая, стареющая пресная дамочка, которая живет только за счет других людей. Становится ими. Но тобой я не стану, не надейся!

– И не надо, – он сел на пол, снова обхватил голову руками и застонал, – и не надо... Я никому не позволил бы жить в этом аду... Особенно тебе. А потом как-то мне приснился сон, и мне показалось, что он все объяснил... Про сиамского близнеца, про тебя... Как будто вы родились, сросшиеся затылками – того, второго, я не разглядел. Ваши родители испугались и

рубанули ножом – прямо по затылкам. И все вышло как нельзя лучше, только в том месте у вас не росли волосы. У тебя – на затылке, а того, второго, я так и не разглядел. И вот теперь ты ищешь...

Это было слишком.

Я выбежала из комнаты, схватила сумку и через три минуты была на улице.

Мне было плохо – так плохо мне не было еще со смерти Ивана. Я любила Нимотси за то, чего он не знал во мне, и ненавидела за то, что знал. Оставаться с ним дальше было невозможно, дома ловить нечего, Венька приедет через два часа, нет, через час сорок минут... Ну что же ты плачешь, Мышь?

Я попыталась взять себя в руки; она приедет, отважная циничная девчонка, спящая сразу с двумя, и надает ему по рогам, и ударит под дых его безумным фантазиям.

А если хоть что-то окажется правдой – хоть что-то из того, о чем бредил Нимотси?..

Я тряхнула головой – к чертям собачьим, в конце концов, у меня есть Венька, а у Веньки есть Фарик, а у Фарика есть концы в милиции и ФСБ. Но сначала его нужно вылечить... Забавно это будет смотреться – усмиренный Нимотси в обществе Веньки, которую он наверняка примет за меня, форма номер пять, молодец девчонка, зацепила все-таки питерского лоха...

«Н-даа... Я ушла только потому, что больше не могла выносить Нимотси с его бреднями, а теперь получается, что в этом есть какая-то скрытая драматургия, что-то вроде милой шутки, розыгрыша – забавно будет посмотреть на Нимотси в компании Веньки, вот и проверим, так ли она похожа на меня, как пытается в этом убедить, моя девочка-хамелеон... Это даже похоже на мистику – как будто у тебя теряется нательный крест накануне Рождества, и все идет наперекосяк...»

Я никогда не теряла нательных крестов, потому что никогда их не носила, я даже не была ни в чем особенно грешна, если не считать машинописное подражание де Саду – у меня бы просто не хватило смелости даже на грех средней руки...

Так или примерно так я думала, сидя в соседней киношке, на льготном сеансе для пенсионеров, вполглаза наблюдая за занюханым американским боевичком: дерьмовое кинцо, вот только главный герой хорош, чертяга, тебе уж точно что-то подобное не обломится!

...На обратном пути я купила бутылку текилы и лимон – и обнаружила, что в моей сумке валяется записная книжка Нимотси и кассета – нашел, куда сунуть, конспиратор дешевый!

Лифт не работал, и, проклиная все на свете, я отправилась пешком на свой девятый этаж.

...Дверь в квартиру оказалась незапертой, из-за нее страшно хрипел хулиганствующий Том Вейтс – надо же, врубили на полную катушку, сволочи! Я тихонько толкнула дверь и вошла, то-то смеху будет, если Нимотси догадается поцеловать Веньку так же, как меня в аэропорту.

На кухне стояла начатая бутылка венгерского вермута, моего любимого – я никогда не отличалась изысканным вкусом: значит, Венька уже пришла.

Я отпила прямо из горлышка и, как была, с бутылкой в руках, направилась к плотно прикрытой двери в комнату.

За ней было тихо – кроме хрипящего Тома Вейтса, – никаких звуков. Я уже была готова толкнуть ее – а вот и я, голубчики, познакомились? – когда за ней раздался отчетливый звук разбивающегося оконного стекла. Он был таким резким и неправдоподобным, что его вполне можно к финалу песни: Том Вейтс любит такие штуки – женский голос, скрип тормозов за витриной дешевенького кафе, журчание виски, обязательно проливающегося на замызганный пластиковый стол в финале; но ужас положения состоял в том, что ничего такого в этой песне не было.

У меня вдруг подломились колени: мои детки в клетке поссорились и вынесли оконное стекло... обколовшийся Нимотси не удержался на подоконнике, как пьяный Иван семь лет

назад... Венька запустила в него колонкой от музыкального центра (стулом, ботинком, футляром от машинки)... Происходило что-то неправильное, и, прежде чем я это поняла, раздался сдавленный, исполненный отчаяния крик.

И наступила тишина – кассета кончилась.

– Сваливаем, – сказал кто-то за дверью: это был чужой, грубый голос, никогда прежде не звучавший в моей жизни, – сваливаем по-быстрому.

Этот голос напрочь менял сюжет.

Всего лишь на несколько секунд я опередила тени, мелькнувшие за дверным матовым стеклом, – и оказалась в нише, где висели зимние вещи, пыльные и забытые до зимы. Я спряталась в них вместе с бутылкой вермута – несчастная, дрожащая от страха Мышь. Плохо соображая, что делаю, я натянула на себя твидовое пальто (господи, как мне нравилось это пальто, на три размера большее, купленное только для того, чтобы шляться в нем по дешевым кафешкам поздней осенью и записывать подслушанные фразы остро отточенным карандашом в стиле Хемингуэя), и оно тут же предало меня – оборвалось с вешалки с громким, заполнившим всю квартиру треском.

Я сидела ни жива ни мертва, похороненная под тяжелым твидом, и сквозь шелку видела измененную до неузнаваемости моим животным ужасом часть коридора. Свет стал нестерпимо ярким – значит, кто-то – он или они – открыл дверь и сейчас будет в коридоре, на расстоянии вытянутой руки, на расстоянии задержанного от страха дыхания.

...Их было двое – первого я так и не разглядела: обычная футболка, до тошноты обычные джинсы, кроссовки, правая – с развязанным шнурком. Второго я запомнила – только потому, что он остановился возле кухни, когда первый уже почти покинул квартиру.

– Слушай, – сказал он спокойным голосом, – бутылка!

– Не напился за жизнь?! Какая к черту бутылка?

– На столе в кухне стояла бутылка вермута. А теперь ее нет.

Я зажала рот рукой, чтобы не закричать.

– Нашел время!.. Уходим!

Он все еще не уходил, я видела его тяжелый упрямый профиль с крутым подбородком боксера-неудачника; перстень на мизинце, вдруг заполнивший весь коридор, серебряная змея, дутая дешевка, мечта пригородной шпаны. Небрежное пятно на темной шелковой рубашке – пот, кровь?..

– Ну, быстро, мать твою! – торопил первый. – Хочешь все дело провалить?!

Наконец, через секунду, показавшуюся мне вечностью, они исчезли. Дверь за ними захлопнулась. Я прислушивалась к звукам вокруг.

В комнате было тихо.

Они уходили через открытый чердак, ясно. В ушах стояли их легкие шаги, осторожный стук закрываемого люка; Венька поступила бы точно так же, вдруг пришло мне в голову – именно туда она послала бы своих героев, не особо заморачиваясь сюжетной изысканностью. А перед этим вывела бы из строя лифт... Я отхлебнула вермута из горлышка – глоток, другой, третий; терпкая жидкость потекла по подбородку – я пила и не могла остановиться, пока наконец не почувствовала жар в груди и легкий шум в голове.

Шатаясь, я поднялась, с трудом высвободилась из пальто и толкнула дверь в комнату.

...В ней ничего не изменилось – только Нимотси в Венькиных джинсах, нелепо подогнув ногу, лежал в луже крови посреди комнаты. Кровь была повсюду – на стенах, на полу, на почему-то разбросанных рукописях. «Дешевый мелодраматический эффект», – вдруг отстраненно подумала я. Грудь его была вскрыта пулями, превращена в месиво – так убивают в аффекте. Но в то же время это были хорошо продуманные выстрелы, каждый из которых мог оказаться смертельным. Врывавшийся в разбитое окно летний ветерок ерошил волосы Нимотси, и я вдруг впервые заметила трещинки и крошечные болячки в уголках его губ, обык-

новенный герпес, вещь не смертельная, но страшно неприятная, что-то такое у меня было в прошлом году, и, кажется, осталась мазь... Я ударила себя кулаком по голове – какая мазь, господи, вот он лежит перед тобой с вывороченной грудью, и еще неизвестно, что там, за разбитым окном.

Впрочем, я уже знала, что там, за разбитым окном.

Там, внизу, были сломанные ветки деревьев на уровне шестого этажа и сломанные ветки кустов на уровне первого этажа, а в самом низу, на земле, лежала Венька, в комбинезоне и джинсовой жилетке, форма одежды номер пять. Ее руки были разбросаны, ее волосы были разбросаны – должно быть, я упала бы точно так же, вот только сверху никогда бы не выглядела такой красивой...

В оцепенении я смотрела на мертвую Веньку под окнами, я ждала. Я ждала, пока хоть кто-то обнаружит это выпавшее тело, но увидела двоих, которые спокойно вышли из соседнего подъезда и направились к вишневой «девятке». Тот, с перстнем, неторопливо сел за руль. И только когда они уже уехали, дворовые дети, бездарно прожигающие каникулы в пыльном бибиревском дворе, наконец-то известили истошно-радостными воплями о происшествии все окрестности. Должно быть, это будет самым ярким впечатлением этого лета, о котором даже можно написать в сочинении...

Я отпрянула от окна и, непонятно зачем, прикрыла пустые рамы. Я наблюдала за собой со стороны – все это время я наблюдала за собой со стороны: бездушная стерва с холодным носом и заледеневшими руками.

Она – это ты. Она – это ты.

Она – это ты.

Никто пока не обнаружил подмены, никто пока не обнаружил ошибки, солнце било прямо в окна, и, должно быть, мое окно было единственным, в котором не отражался солнечный свет.

Стоп-стоп, почему единственным? Сейчас лето, и окна настезь, попробуй найди, из которого выпал человек. Но все равно, времени у меня было немного, ведь обязательно найдется кто-то, кто легко вычислит траекторию падения и легко вызовет уже бесполезную «Скорую».

И милицию.

И слава богу.

Я снова отхлебнула из бутылки. Ничего не слава богу. Что я смогу объяснить им? Пере-сказать путаную историю Нимотси с кровавым порнографическим синдикатом? (Подумав об этом, я вдруг похолодела и, чтобы не замерзнуть окончательно, загнала эту мысль на самое дно души, откуда уже поднимались ей навстречу ужас и тошнота – нет, только не сейчас, не сейчас...) И – если повезет – стать свидетелем и сидеть в раскалившемся от жары кабинете и вместе с толстым потным милицейским художником составлять словесный портрет дешевого серебряного перстня со змеей...

Если повезет – а если нет? Если я не смогу толком ничего объяснить, да еще окажусь замазанной в темную порнографическую историю. И потом – наркотики – не употребляла, но давала приют...

Статья за хранение, Фарик бы мне объяснил.

Фарик. Вот оно, вот чего я жду.

Фарик и Марик.

Я подумала о мальчиках, и как только коснулась их, то поняла, что это не сойдет мне с рук – потерять одну, а потом и вторую; и в смерти этой второй виновата я, я, стареющая бесцветная дрянь, отнявшая их девочку, их маленькую...

Я вспомнила Марика – «нет человека, нет проблемы».

Со мной не будет никаких проблем.

Они давно хотели меня убрать, а сейчас появился повод, все искупающий повод.

Спокойно, спокойно... Документы, чековая книжка (кой черт дернул меня положить все деньги в банк) – бедный Нимотси, я так ничего и не успела сделать для него... Я судорожно бросала в рюкзак вещи, какая глупость, ну зачем тебе Венькина туалетная вода, и все остальное ни черта не пригодится... Ладно, разберусь потом.

Я наткнулась на разрозненные страницы одного из своих порносценариев – странно, мне казалось, что ничего подобного в моем доме не сохранилось.

Но эту, внезапно мелькнувшую мысль я так и не додумала – пустили лифт. Я набросила на плечи кофту, Венькину летнюю кофту, вполне нейтральную, не вызывающую подозрений в летний жаркий день.

«Останься, – сказала мне моя обычная трезвая половина, – останься, не сходи с ума, ты ни при чем, ты не виновата, ничего они тебе не сделают, пришла и увидела этот кошмар, эту бойню... А сразу не спустилась... Что ж, состояние прострации вполне объяснимо... Хотели убить тебя, а убили другую... Но как ты объяснишь, почему хотели убить тебя?..»

«Зубную щетку, ты забыла зубную щетку», – цинично сказала мне другая половина, о наличии которой я даже не подозревала.

И обе половины не понравились мне – так не понравились, что у меня вдруг отказали ноги: я опустилась по стене, против Нимотси, близкого друга, обещавшего так много. А там, за окном, на летнем разлагающем солнце, лежала Венька, обещавшая так много...

Чтобы не зарыдать, я зажала рот кулаком и очнулась только тогда, когда почувствовала теплый привкус крови. Такой же был и у Марика, когда мы целовались, у него были слабые десны. А от слабых десен нужно пить кору дуба...

Ты сходишь с ума.

Ты сходишь с ума, надень-ка лучше очки, те, которые подарила вам обоим Венька: просто и со вкусом, от ранних солнечных морщин – и ни одна сволочь не догадается заглянуть под них...

Двор разорвал надрывный голос неотложки – оперативно они приезжают, чтобы констатировать смерть, а потом перекусить бутербродами с ветчиной на свежем воздухе.

Внизу, в колодце подъезда, снова заработал лифт, послышались голоса – и это вывело меня из оцепенения.

Я взяла набитый впопыхах рюкзак – все мысли потом, потом – и в последний момент переложила туда же записную книжку и кассету Нимотси – просто так, как переключают страницы засохшими цветами; на память.

И выскользнула из квартиры.

Через чердак – конечно же, через чердак: даже здесь мне подсказали дорогу – если ушли они, значит, без помех уйду и я.

Чердачный люк не поддавался, а звук поднимающегося лифта становился все ближе, как неотвратимое наказание за малодушие, трусость и предательство.

Спокойно, спокойно – ты никого не предала. Ну, открывайся же!..

Люк наконец открылся, я выскочила на крышу и прикрыла его за собой.

Соседний подъезд был рядом, я спустилась на девятый этаж, потом на восьмой – и здесь перевела дыхание.

Дура, дура, дура! Но в любом случае – назад дороги не было.

...Во дворе, вокруг мертвой Веньки, уже образовалась толпа. «Скорая» стояла тут же, спустя минуту приехала еще одна – видимо, сердобольные граждане звонили с нескольких телефонов.

Люди все прибывали и прибывали, запруживая пяточок перед ареной смерти. Они-то находились в полной безопасности, как читатели колонок криминальной хроники, и осознание превосходства этой безопасности позволяло им переговариваться друг с другом вальжным полупшепотом.

- Чего тут?
- Да вот, девчонка выбросилась!
- Откуда, откуда?
- А черт его знает... Сейчас менты приедут, разберутся. Вроде как с девятого этажа...
- А кто такая?
- Да не знаю, не напирайте. Я своего соседа по лестничной клетке не знаю...
- Чо, насмерть?
- Ну!
- Точно, это наша девчонка, из нашего подъезда... Такая вежливая, всегда здоровалась...

Она на девятом этаже живет... Недавно въехала, в прошлом году... Да говорю вам, из нашего подъезда, из второго!

- А чего это она?
- Там, говорят, пистолет нашли, рядом с ней валялся...
- Застрелилась, что ли?
- Да из окна выбросилась.
- Если из окна выбросилась – то пистолет зачем?
- Веселая нынче молодежь пошла – одни людей грабят, другие клей нюхают... Или вот так... Тут в сентябре парень тоже выбросился, назло жене, ревновал ее очень.
- Что вы говорите?!
- Я сам видел. Он дальнобойщиком работал – только в рейс, как его жена давай налево и направо ноги задирать.

– Ну, дальнобойщики тоже не святые, на каждом километре шлюх подсаживают...

Одна из «Скорых» уехала. А та, что приехала первой, – осталась. Ее шофер действительно жевал бутерброд, но не с ветчиной, а с сыром...

Я, не отрываясь, смотрела на Веньку – там, раскинув руки, лежала я, с волосами с медным отливом, в комбинезоне и жилетке. Именно смерть сделала ее так похожей на меня, что мне стало страшно. Подойти, обнять ее, защитить от всех этих упивающихся сопричастностью к далекой смерти глаз – уж она-то теперь себя защитить не сможет.

И Иван не смог себя защитить.

Венька повторила судьбу Ивана, прошла путь Ивана до самого конца – и так же оставила меня, как он. Меня, жалкую, так и не выросшую, так ничему и не научившуюся. Уж она-то не оставила бы меня здесь, в роли трупа неизвестной...

Пора идти, сказала я себе. У меня еще будет время на все, но сейчас пора идти, уговаривала я себя – и не уходила. Просто не могла оторваться от этого лежащего на земле тела.

...Я тихонько выбралась из толпы только тогда, когда приехал милицейский «газик», а следом за ним – «рафик» с унылой надписью по борту – «Криминалистическая лаборатория».

* * *

... Через полтора часа двенадцать тысяч долларов лежало у меня в рюкзаке. Я сняла все, что у нас было, – общие с Венькой деньги, заработанные на сценариях и рекламе: она сама настояла на этих общих деньгах, припугнув меня тем, что отдельный счет ей, гражданке уж благополучно забытой среднеазиатской республики, не откроют.

Я сняла все деньги, фальшиво улыбаясь знакомому долговязому клерку, для него я всегда была преуспевающей сценаристкой («Вот, решила прикупить машину по случаю, как вы думаете, двенадцать тысяч за «Сааб» девяностого года в отличном состоянии – это не дорого?»).

«Дура ты дура», – глаза клерка выдали его с головой, но он все же сказал учтиво:

– Большая сумма, а вы одни сегодня, без друзей... Вы ведь обычно не одна приходите... Вот оно, началось!

– Они на улице. У приятеля что-то с машиной... Так что «Сааб» в самый раз.

– Ну, удачи вам. И хорошей покупки. Кстати, у меня есть приятель в автосервисе для иномарок...

– Спасибо, я обязательно воспользуюсь...

– Я оставлю вам телефон.

– Да-да...

Он что-то черкнул на листке бумаги, протянул ее мне. Не глядя, я сунула ее в карман комбинезона.

– Спасибо.

– Надеюсь, вы еще воспользуетесь услугами нашего банка.

– Непременно, – кисло сказала я.

...Теперь мне нужно было обдумать ситуацию.

Я вперлась в метро, без устали гонявшее составы по кольцу, пристроилась в углу вагона и закрыла глаза.

«Труба дело. Надо когти рвать, – сказал мне мертвый Иван. – Бабки у тебя есть, так что надо рвать когти».

«Точно. Через Чукотку на Аляску в собачьей упряжке. Главное – зад не отморозить», – сказал мне мертвый Нимотси.

«И придатки», – добавила мертвая Венька.

Я уронила голову в колени.

Все, кого я любила, были мертвы. Все, до единого.

– Вам плохо? – спросил меня какой-то старичок с задорной бородачкой академика Павлова.

Только теперь я поняла, что плачу.

– Все в порядке, – не поднимая головы, ответила я.

– Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Нет-нет, все в порядке... – Чем ты мне можешь помочь, если даже они не могут мне помочь, если даже они оставили меня...

Старик вышел на «Белорусской», я поехала дальше по кольцу.

«Успокойся, возьми себя в руки – тебе надо сосредоточиться». Но сосредоточиться не получилось. Я тупо сидела в уже обжитом углу вагона и, как четки, перебирала воспоминания о прошедшем годе и прошедших семи годах; я думала о том, какой же из сюжетов предложила Венька питерскому лоху, и о том, что на следующей неделе должны будут состояться переговоры по поводу очередной рекламы: эту рекламу устроил Веньке уже раскрученный художник азербайджанец Аликпер, восточный красавец с мягким голосом и мягким характером.

Ничего этого уже не будет.

Я устала думать обо всем, крепко обняла рюкзак с деньгами и заснула...

...А проснулась оттого, что кто-то тряс меня за плечо:

– Вставай, девушка, царство божие проспишь!

Я испуганно открыла глаза, но испугаться по-настоящему так и не успела: рюкзак был со мной, он никуда не пропал.

– Скоро метро закрывается, а ты все спишь. Дома нужно спать, – подмигнула мне разбитная, плохо покрашенная бабенка в форменной одежде.

– Да-да, простите... А какая это станция?

– «Комсомольская». А какая тебе нужна?

– Я приехала. Спасибо.

– Шмотки береги! Как только не грабанули, спящую-то!

...Я поднялась наверх, по пустынному эскалатору – и вышла прямо на Ленинградский вокзал.

Пахло шашлыками, размякшим за день асфальтом, Ириной Аллегровой в каждой музыкальной точке, сотнями людей, приезжающих и уезжающих.

Я потолкалась среди ларьков, купила себе сосиску в тесте, дешевенький плеер, батарейки и кассету к нему: гнуснейшее техно, значения которого я никогда не понимала. Идиотская музыка взорвала голову, вышибла все мысли и помогла сосредоточиться на одной.

«Что делать этой ночью».

Наверняка они уже поняли, что к чему, связали концы и разослали оперативки по вокзалам. Наверняка все было не так, я бездумно шла за придуманным Венькой криминальным миром. Но даже если все не так – куда ты поедешь?

И тогда я вспомнила о Гуле.

Гуля была моей однокурсницей по ВГИКу, единственной нормальной бабой среди сумасшедшей вгиковской тусовки. Сразу после института она выскочила замуж за преуспевающего торговца экзотическими фруктами и осела в Химках.

Потом был преуспевающий коммерческий директор банка, преуспевающий агент по недвижимости – целая цепочка, заканчивающаяся преуспевающим сочинителем книжонок в стиле «русское фэнтэзи», которого Гуля зацепила в начале осени, когда мы виделись последний раз.

От каждого своего мужа Гуля непременно рожала ребенка и непременно мальчика. Меня всегда удивляла ее власть над мужчинами, я никак не могла понять ее природу – и только прошлой осенью поняла.

Гуля была на последнем месяце беременности и так чертовски хороша, что от нее невозможно было оторвать глаз, – внутренний свет, исходивший от нее, слепил, сбивал с ног, зачаровывал. Всех новых мужей она находила именно на последних сроках беременности. Они шли за ней, как крысы за дудочкой Крысолова, готовы были усыновить всех ее предыдущих детей и наплодить новых – своих собственных, таких же красивых, как и их мать.

Когда мальчики появлялись на свет, Гуля сразу же теряла к ним интерес и с ней самой происходила удивительная метаморфоза: она становилась обычной, ничем не примечательной среднестатистической домохозяйкой. И тогда невольно обманутые мужья, получившие дешевый страз вместо бриллианта, – а именно так им казалось – начинали исчезать из дома: сначала на время, а потом насовсем. Несколько месяцев Гуля жила одна, окруженная детьми и няньками, которые занимали для своих детей совестливые бывшие партнеры, – настоящая пчелиная матка, уже вынашивающая новую жизнь и царствующая в своем улье.

Ее интересовал только неродившийся ребенок, только с ним она разговаривала – и в этих разговорах была блистательна, остроумна, ненавязчива и весела: она обучала плод, уютно устроившийся у нее в животе, всем премудростям жизни, была афористична, как Бернард Шоу, и в меру цинична, как Бэтт Дэвис на излете карьеры. Я с трудом подавляла в себе желание тут же открыть блокнот и записать те легкие, изящно отточенные фразы, которые растворялись в воздухе, оставляя после себя легкое, покалывающее кончики пальцев тепло.

Язычница Гуля, несущая в себе дремлющий генетический код прародительницы, ненавидела цивилизацию во всех проявлениях, а также ее производные – телевизор, телефон и печатные издания всех мастей. Скрепя сердце она смирилась только с пылесосом, миксером и стиральной машиной «Ардо», полный автомат.

Гуля. Ну конечно же, Гуля.

Я взяла билет на электричку до Химок и уже через час была у нее.

Гуля не удивилась моему позднему визиту, молча взяла у меня из рук пакеты с фруктами и сладостями.

– Вот и гости, в жопе гвозди, – пропела она, высыпая фрукты в огромную корзину, где и без того уже лежала партия бананов, рассчитанная по меньшей мере на взвод. – То-то у меня сегодня весь день вилки падали. Так и подумала – то ли баба, то ли гомосексуалист.

– А при чем здесь гомосексуалист?

– Да ходит тут один пед тишайший, страховой агент... Душный до невозможности: все уже застраховала – и имущество, и квартиру, и машину, которую мне Павлик оставил. Ты-то Павлика помнишь?

Я в упор не помнила Павлика.

– Ну, кафешка у которого на Речном вокзале. Четвертый, Димка, от него.

– Слушай, я даже не знала, что ты машину водишь, – больше всего мне хотелось сейчас остаться одной и перевести дыхание, но светскую беседу поддерживать было необходимо.

– Да не вожу я, этого еще не хватало! Кто-нибудь из мальчишек подрастет – возьмут, не пропадет. Сейчас Димкина нянька на ней гоняет, идиотка несусветная, но душевная старуха...

– А где мальчишки?

– На даче. Отправила их на лето кислородом заправляться. Здесь рядом, в Куркине.

– А ты?

– А я вот жду. Четвертый месяц уже маленькому.

Четвертый месяц, время цветения еще не пришло – Гуля была сдержанна и неопасна для мужчин.

– А ты все корячишься, все пишешь?

– Все пишу, что мне делается, – спокойным голосом сказала я, и на секунду мне показалось, что ничего не произошло.

Мы просидели до двух часов ночи, все втроем: Гуля, я и малыш в животе; он тоже участвовал в беседе, во всяком случае, к нему она обращалась гораздо чаще, чем ко мне.

Время тянулось бесконечно долго, большую часть его Гуля издевалась над папочкой малыша, преуспевающим сочинителем. Из всего сказанного я поняла, что сочинитель ушел навсегда.

– И слава богу, – философски заметила Гуля, – баба с возу – кобыле легче, задрал геморроем своим и пищей вегетарианской... А я – ты же знаешь – совсем наоборот, фарш сырой люблю, грешна...

Она постелила мне в комнате старших детей, набитой огромными мягкими игрушками и разорванными книгами.

Наконец-то я осталась одна.

Теперь можно было разобрать рюкзак и собственные мысли – отступать было некуда. Сегодня начинается совсем другая жизнь, не похожая на вчерашнее утро.

Еще вчера Венька ехала в «Красной стреле» и была жива, еще вчера Нимотси искал уходящие под кожу вены, но все-таки был жив. «Но мамочка и папочка уснули вечерком, а Танечка и Ванечка в Африку бегом», – машинально прочла я на исчерканной фломастерами странице книги, валявшейся на полу.

Да, именно так. В Африку бегом.

Ничего другого не остается. Или остается?

Если поискать, то у Гулиных детей наверняка можно найти альбомы с чистыми страницами и прикинуть какую-то схему.

Как только я решила довериться бумаге, все стало на свои места и я сразу успокоилась – бумага никогда меня не подводила. И многие вопросы решались сами собой. Это касалось сценариев, но, возможно, поможет мне сейчас. Нужно только выстроить несколько сюжетных линий – мою, Веньки и Нимотси.

Было еще одно серьезное ответвление, связанное с увиденными мною в квартире людьми, но просчитать его с наскока было невозможно, да и на сегодняшнюю ночь не нужно.

Не нужно. А может, и вообще ничего не нужно? На меня навалилась апатия – так было всегда, когда нужно было принимать хоть какое-то мало-мальски серьезное решение.

И впервые в жизни я этой апатии воспротивилась, крепко потрянула головой – хватит, карапузики, кончились танцы!..

Я нашла альбом с уморительным слоненком на обложке – в Африку бегом, в Африку бегом, – достала ручку и на чистой странице вывела каллиграфическим почерком засидевшейся в девицах библиотечарши – «НИМОТСИ». Потом подумала секунду и провела стрелку – «МЫШЬ». Дальше дело не пошло – в моем бедном мозгу всплыла утренняя картина: Нимотси в луже крови и Венька с раскинутыми руками.

Чтобы избавиться от наваждения, я тихонько замычала нечто похожее на начальные такты «Интернационала», в том месте, где «никто не даст нам избавленья», – и прямо под своим именем написала «ВЕНЬКА».

А потом обвела полученную конфигурацию кружком.

Венька и Мышь стояли одним персонажем – Шерочка с Машерочкой, Маша и Даша Кривошляповы, самые легендарные советско-сиамские близнецы, Тянитолкай. Эти двое, кто бы они ни были, приняли ее за меня... Наверное, и Нимотси, прежде чем получить пули в грудь, тоже принял ее за меня, а она не стала его разочаровывать, это было частью ее игры, частью жизни, которой она жила после встречи со мной. Нет, это все чушь, детский лепет на лужайке, тем двоим было простительно принять ее за меня – но мой старый дружок, спавший со мной в одной постели, он-то вряд ли мог спутать нас, разве что совсем обдолбался своим кайфом... Я вдруг ощутила жгучее желание оказаться там за несколько секунд до развязки.

Возможно, им нужен был только Нимотси, Венька оказалась просто свидетельницей, чей ключ не вовремя повернулся в замке, – вот это уже было ближе к истине, и я немножко успокоилась – если вообще можно было успокоиться в моей ситуации.

Но тогда – если им был нужен несчастный наркоман, – тогда вся его путаная история оказывалась правдой.

Я сжала виски.

Черт, черт, черт, если это правда – значит, за этим стоят довольно серьезные люди, и трудно поверить, что они выпустили его – сначала с этой адской съемочной площадки, а потом вообще из страны. Трудно поверить, что вконец исколотый недотепа обвел их вокруг пальца – вот так, за здорово живешь. Вначале это действительно было случайностью – то, что он выжил и вовремя убрался со сцены, но потом? Вряд ли они отслеживали его от Греции до Москвы, много чести... «Он меня в Румынию отправил, а там из Констанцы в Одессу», – вспомнила я слова Нимотси. Скорее всего там они потеряли его, а здесь нашли.

Но как?

Мне не хватало информации, мне катастрофически не хватало информации – и тогда я вспомнила о блокноте Нимотси.

Но когда я открыла его, дрожа от нетерпения, то поняла, что прочесть его с лету – дохлый номер. Нимотси никогда не отличался хорошим почерком, а героин и психологический стресс доконали его: буквы и строчки налезали друг на друга, заваливались вбок, принимали чудовищные конфигурации. Для того чтобы разобрать хотя бы страницу, потребуется не один день. А этих дней у меня в запасе не было.

Итак, Нимотси влип в историю, в которой убивали людей, и делали это с размахом, и вкладывали в это большие деньги. Он оказался ненужным и, возможно, единственным свидетелем, и поэтому его убрали.

Я попыталась поставить себя на место этих людей – такую ли сильную опасность представлял Нимотси? Он был законченным наркоманом, ясно, и вряд ли его словам можно было доверять: с таким же успехом можно доверять горячечному бреду. Он был не опасен сам по себе, но... Но вполне мог стать опасным, как звено в цепи, как штрих в уже сложившейся картине – не даром он говорил, что их туманной деятельностью заинтересовался Интерпол.

Я представила Нимотси – маленького, жалкого, зажатога жерновами двух каких-то очень серьезных сообществ: можно было прожить десяток жизней, а таких, как мою, – и сотню, – и никогда с этим не столкнуться...

Но он все-таки добрался до Москвы и сразу же отправился ко мне. Он никуда больше не заезжал – и даже удивительно, что грязного и явно обколотога человека не остановил ни один из нарядов милиции, постоянно околачивающихся возле метро. Он никому не звонил, да и звонить особенно было некому.

Стоп. Стоп-стоп.

Если ты думаешь, что им не было смысла вести его все это время – а это похоже на правду, значит, они как-то пронюхали, что он всплыл в Москве... Его засветили. А может, он засветился сам?

От напряжения я сжала виски. Утром я проснулась позже его, а потом вообще ушла на два часа. Значит, что-то произошло за эти два часа. Или раньше?

Я снова открыла блокнот Нимотси – в самом конце его была телефонная книжка с номерами, почти пустая. А почти все имена, которые там были, ничего не говорили мне – очень мало московских, в основном алма-атинские и семипалатинские; несколько душанбинских (Нимотси был из Душанбе). Было еще пару записей чужим почерком, из которых я поняла только «Греция» и «Афины» – видимо, спасший его сентиментальный грек все-таки существовал. Еще несколько интернациональных адресов – румынских, польских и югославских; все имена – девичьи. Я улыбнулась – решил-таки приударить на старости лет...

И увидела мой собственный новый телефон и новый адрес, записанный наспех – видимо, вчера, у профессорской вдовы. Он был написан огрызком карандаша, тем самым, с которым вчера вечером носился Нимотси.

Я перевернула еще несколько страниц и вдруг наткнулась на еще один бледный след карандаша. Только две записи в книжке были сделаны карандашом – мой телефон и эта: «кинотеатр «Форум», 5 часов, красный «Форд». Это было написано на телефоне Володьки Туманова. Но и без этого я знала, что Володька живет где-то на Колхозной.

Запись сделана вчера или сегодня, никаких сомнений. Значит, он назначил встречу, вот только состоялась она или только должна была состояться? Вряд ли, приехав в Москву, он объявился бы у Туманова – они никогда не были друзьями, а если еще и вспомнить, что он вчера говорил о Володьке... Теперь-то мне стали ясны невнятные угрозы Нимотси «этой «шестерке», этому гаду» – сотрясая воздух в комнате, он обещал достать Туманова и потребовать отступных. Обычная словесная пурга, которой я не придавала значения. Значит, он действительно решил мелко шантажировать добродушного Володьку, значит, он не надеялся на меня, мой бедный запуганный друг...

На секунду мне стало обидно – эх ты, дурашка, неужели ты мог подумать, что я оставлю тебя?..

А я оставила.

Слезы снова полились у меня из глаз, но теперь к ним добавилось еще и чувство злости – совершенно необязательно было говорить Володьке, что остановился у меня...

«Сам виноват!» – громко сказала я.

И тут же устыдилась нелепости своего предположения. Если убийства как-то связаны с этим звонком Туманову... Нет, это полная ерунда, ты совсем зарпортовалась – желеобразный Володька был редким кретином, полным раздолбаем, но уж никак не крестным отцом. В конце концов, смерть Нимотси и телефонный звонок Туманову могут быть вообще не связаны, и скорее всего не связаны – эта запись вообще могла не относиться к Володьке, страница была выбрана наугад. И с другой стороны, если за всем этим стоял он, то почему было не пристрелить Нимотси в красном «Форде» (прелестная, должно быть, вещь!), а посылать людей на окраину,

в Бибирево? Но Нимотси был мертв, и мне не у кого было спросить, к чему действительно относится эта запись.

Ясным было только одно – его убили как свидетеля. И Веньку – как свидетеля свидетеля. Вот только – просто так или вместо меня?

Я подумала об этом вскользь, а потом задержалась на этой мысли и похолодела.

Пока Нимотси не приехал в Москву, я была невостробованным персонажем, я была неопасна. Но он приехал, и вполне логично было предположить, что обо всем рассказал мне или показал (я вспомнила о кассете, которая лежала у меня в рюкзаке). В конце концов, именно я написала несколько сценариев...

Ну и что? Написала и написала. Но в этой ситуации убрать тебя вполне могли не только как случайную свидетельницу, но и как сообщницу Нимотси. Возможно, в этой кассете есть что-то такое, чего они боятся. А возможно – и нет. Возможно, они даже не подозревают о существовании кассеты. А если подозревают?

У меня жутко болела голова – эти игры были не по мне, ясно. Быть сообщницей Нимотси меня совсем не грело, я предпочла бы умереть случайной свидетельницей, с которой все взятки гладки. Но ты-то уже умерла, и странно, что тебя не пристрелили, а выбросили в окно...

Действительно, странно. Что-то мучило меня, и теперь наконец я поняла – что. В Нимотси разрядили, должно быть, целую обойму, хотя одного выстрела профессионала было бы достаточно. А то, что работали профессионалы, я не сомневалась – уж слишком подготовленными они были, уж слишком бесшумно выходили через крышу, и даже всегда задраенный чердачный люк оказался открытым, и лифт перестал ходить именно во время убийства, хотя до этого целый месяц работал исправно. Они убили его выстрелами из пистолета, наплевав на контрольный выстрел в голову, а Веньку выбросили из окна, хотя с тем же успехом могли убить тоже; во всяком случае, шуму бы было гораздо меньше, а выталкивая тело, которое будет найдено тотчас же, они здорово рисковали.

Риск – благородное дело. И с пистолетом ничего, сукины вы дети... При чем здесь пистолет, откуда он всплыл? И откуда я знаю, что это именно пистолет? И почти тотчас же вспомнила – кто-то в толпе сказал: «И пистолет рядом с ней».

Вот и все.

В задумчивости я нарисовала мужской профиль и присобачила к нему козырек, а к козырьку – тулью. А на тулью водрузила кокарду нашей доблестной милиции. Но полковник Зорин, он же дослужившийся до генерала Шарапов, получился у меня неважнец.

Я перевернулась на спину – ее покалывал жесткий ворс ковра – и закинула руки за голову. Ну, с товарищем Шараповым, он же полковник Зорин, проблем не будет вообще, для них картина предельно ясна: двое любовничков-маргиналов, а-ля Ромео и Джульетта, Лейла и Меджунун, Бонни и Клайд, страшно поцапались с утра пораньше – уж неизвестно по какой причине, – она его пристрелила, а потом сама выбросилась из окна... Очень правдоподобно, включая наркотики и филиал химической лаборатории, который Нимотси устроил на моей девственной кухне всего лишь за ночь. А если прибавить сюда полностью уничтоженную посуду...

Именно так подумали бы унылые типы из районного отделения милиции, у них и без дешевой бытовухи забот полно. А подумав, закрыли дело.

И никаких проблем. Так что со стороны районного отделения я в полной безопасности.

«Ни фиги не в безопасности, – вылез вдруг Иван, – свеженькая, выбросившаяся с девятого этажа покойница встала, отряхнулась и отправилась в банк получать денежки. Сняла всю сумму и глазом не моргнула, хотя имела право только на половину».

«Не думаю, что какой-нибудь занюханый следователишка, обремененный тремя детьми и маленькой зарплатой, может даже представить себе, что у меня есть счет в банке», – огрызнулась я.

«Он-то нет, а вот журналист Фарик, с которым вы неоднократно катались в этот банк, – наверняка, – не унимался Иван. – Он сразу прощелкает, что мертвая ты – это вовсе не ты. А уж у твоей ненормальной подруги этот Фарик наверняка исследовал каждый сантиметр тела...»

«Давай-ка без пошлостей», – поморщилась я.

«Если без пошлостей – то как раз сейчас он наверняка не спит и голову ломает – зачем ты это сделала? Может, из-за двенадцати тысяч? Но в любом случае – тебе каюк».

«Точно-точно, это как два пальца об асфальт, – встрял Нимотси. – И получишь ты пулю в плоскую грудь от этого отморозка, как его-то бишь зовут... Марик, что ли?.. Сомнительное имя. А пуля – вещь неприятная, уж поверь моему жизненному опыту. И они тебя достанут, ангелы мщениия легко это делают. Достанут из-под земли и порешат».

«Не хотелось бы тебя огорчать, но вполне может быть», – грустно сказала Венька.

«Но я же ни в чем не виновата», – попробовала оправдаться я.

«Что ж не осталась? Кто побежал – тот и виноват, – пожурил меня Иван. – Но если уж побежала, то беги дальше, пока хватит сил».

«Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!» – не к месту пропел Нимотси.

«Заткнитесь, умники», – мысленно ругнулась я, перевернула страницу альбома и разграфила ее на три равные части.

В первой поставила знак, означавший вполне невинные случайные связи, но в моем случае – людей, которые убили Нимотси.

Во второй продублировала изображение так понравившейся мне милицейской фуражки.

В третьей просто написала ФАРИК и МАРИК.

И спустя некоторое время страница выглядела так:

Итак, я обвиняюсь сразу по трем статьям, тремя разными творческими коллективами. Апеллировать было не к кому, разве что к полумифическому Интерполу, если Нимотси не соврал. Но и ему нужна была не я, а какие-то доказательства, которых у меня не было.

Натасканная Венькой и тертым калачом криминальным журналистом Фариком, я преодолела малодушное сопротивление и выбрала наихудшие варианты во всех трех позициях, – и только потом подвела черту. Финал моих размышлений выглядел скупо и составил только два слова: «Делай ноги».

Я перевела дух – теперь хоть что-то прояснилось. И когда я решила, что делать, стал вопрос – как это делать. У меня не было даже заграничного паспорта, а светиться сейчас и оформлять его было чистым безумием. Должно быть, существовали еще и нелегальные пути, которые вполне могли настезь открыться с моими двенадцатью тысячами долларов, но беда моя состояла в том, что я всегда была законопослушна и даже за квартиру платила исправно.

«Законопослушна-то законопослушна, – поддел меня Иван, – а задница того и гляди загорится. Делай нелегальный паспорт и дуй до горы».

«Во-во, я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, – вклинился Нимотси, – а бьют, между прочим, не по паспорту, а по роже, во всяком случае, эти два ташкентских брата-акробата».

Это было дельное замечание, но я пропустила его мимо ушей. Идея с нелегальным паспортом показалась мне симпатичной, но совершенно ко мне неприменимой. Каналы добывания подобного рода документов были мне неясны и знакомы только по французским полицейским драмам, которыми одно время увлекался Нимотси.

И тут я вспомнила об Алене Гончаровой, надменной преуспевающей суке из Питера с богатым лесбийским прошлым. Сама по себе Алена была любопытна только нестандартной сексуальной ориентацией, а вот ее родители вполне могли представлять для меня интерес. Ее мать заведовала паспортным столом, а отец занимал высокий пост в питерской таможне.

Можно было уехать в Питер и...

«И что? – ухмыльнулся Иван. – Вываливать на голову честной трудящейся лесбиянки свою криминальную историю с двумя свежими трупами вместо соуса? Очень интересно было бы посмотреть на ее реакцию».

«А также на реакцию ее высокопоставленных папиков, – добавил Нимотси, – так они и бросятся из-за неизвестной им занюханной Мыши рисковать своей карьерой и положением».

– Н-да, не в бровь, а в глаз. На этом варианте можно было заранее ставить крест.

«Вот если бы это была я, – всплыла вдруг Венька, – уж я бы нашла, чем ее пронять!»

И чем же?

«Обольстила бы эту твою Алену, влюбила бы в себя. За неделю бы управилась. У таких людей любовь сразу и навсегда, до первых ног, которые длиннее, и лучше держать их на коротком поводке... Но не суть. Так вот, влюбила бы в себя, а потом подала бы какую-нибудь историю, да позабористее. Чувство опасности и экстремальная ситуация сближают влюбленных. Она бы для меня в лепешку разбилась».

Так то для тебя.

Я прожила с Аленой в одном блоке уйму лет, и ей даже в голову не пришло положить на меня глаз. Не в ее вкусе, без изюминки, здорового цинизма и авантюрной жилки, полная преснятина.

«Вот если бы тебе измениться, – вздохнула Венька, – хотя бы чуть-чуть... Стать другой...»

«И каким образом? – непотребно заржал Нимотси. – Кожу, что ли, перетянуть с задницы на рожу? Может, посвежеешь и не будешь такой законченной идиоткой?»

«Хорошая идея, – вдруг прорезался Иван, – и не только для этого конкретного случая. Действительно, хорошая идея. Для всех ты исчезнешь в своем прежнем качестве, а пройдет время, и всплывешь, как Борман в Аргентине, натурализуешься в богом забытом сеттльменте, но уже под другой личиной. Годится такой вариант?»

Это не вариант. Если ты имеешь в виду пластическую операцию...

«Фи, как грубо, – поморщился Иван, – я бы остановился на термине «легкая корректировка лица».

И что – прикажешь записываться на прием в Институт красоты и там подвергаться мучениям на глазах у всего доблестного ГУВД? Фильмам с подобными героями и сюжетными закидонами присваивают обычно категорию «Б», не выше.

«Зачем же Институт красоты, – вдруг сказала я себе, идя на поводу у своих мертвых друзей, как в былые времена. – Зачем – когда есть Лева Лейкинд? Мысль не такая абсурдная, как кажется на первый взгляд, – почему бы к нему не подкатиться?»

Лева Лейкинд был одним из Гулиных мужей и, кажется, неплохим пластическим хирургом. Этот совершенно неправильный московский еврей гекалитрами дул чистейший медицинский спирт, тащился только от «Лэд Зеппелина» и принципиально женился не на соплеменницах, а на самых отъявленных, самых отпетых «шиксах». В его обширной коллекции, кроме татарки Гули, были еще кореянка Соня, казашка Айгуль и мулатка, имя которой я напрочь забыла.

В Москве Лева был один как перст – часть его родни осела в Израиле, часть – в Америке, где-то под Чикаго. Несколько раз мы выпивали с ним в разных компаниях – уже после того, как он сбежал от Гули, оставив ей мальчика по имени Ленчик.

Я чем-то нравилась ему, он даже пару раз подвез меня в Бибирево и даже дал уговорить себя на кофе.

Но дальше кофе дело не пошло. И когда в следующий (и последний) раз я оказалась на попойке в его запущенной квартире на проспекте Вернадского, суть его интереса ко мне всплыла сама собой.

Он, как всегда, исподтишка наблюдал за мной целый вечер, а потом сказал: «Все-таки ты мне нравишься, мать».

Я не могла с легким сердцем сказать того же – Лева был не в моем вкусе: чудовищно густая копна черных проволочных волос, синий от щетины, всегда наспех выбритый подбородок, слишком тонкие немужские пальцы и горбатый нос, Эверестом возвышающийся над всей остальной плоскостью лица.

Но, в конце концов, не так уж часто я слышала в своей жизни «ты мне нравишься». И ради одного этого была готова переспать с ним на той же продавленной кушетке, на которой мы угнездились вместе с водкой.

Но следующая тирада не оставила во мне никаких сомнений:

– Знаешь, я бы поработал с твоим лицом, и отдаю на отсечение свои несчастные гениталии – нам обязательно удалось бы что-то проявить.

– Да? – глупо сказала я.

– Никаких сомнений! Это как кусок камня, в котором определено что-то есть... Или как кусок глины, который нужно размять. Роден был бы счастлив, не говоря уже о Микеланджело.

– Это ты-то Микеланджело? – сглотив обиду, усомнилась я.

– В некотором роде. Профессия обязывает. Так сказать, професьон де фуа.

– Тогда, может быть, начнешь с себя?

– Сапожник без сапог, ты же знаешь. И потом, женщинам нравится этот вопиющий семитский вариант внешности.

– Не могу быть с ними солидарной.

– А я и не настаиваю.

Мы чокнулись, допили водку, закусили ее маринованным чесноком, водившимся в доме Левы в угрожающих количествах, и растались навсегда.

...Обо всем этом я вспомнила сейчас, сидя на ковре в комнате Гулиных старших детей.

И подумала – почему нет? Деньги у меня были, а другого выхода не было. И как только это решение пришло, я сразу почувствовала, что смертельно хочу спать. В конце концов, я заслужила это. Хотя бы потому, что осталась жива.

* * *

...Я проснулась очень поздно и сначала долго не могла понять, где я нахожусь. Прямо в лицо мне смотрела жизнерадостная зеленая сороконожка из плюша, а бок подпирали выдававший виды Санта-Клаус с лицом грузчика из овощного магазина. Я положила руку ему на голову, и тотчас же в носу у него замигала лампочка и из чрева исторглась громкая мелодия рождественской песенки «Джингл беллз». Я не знала, как заткнуть Санта-Клауса, и под незатейливый мотивчик с ужасом вспомнила события предыдущего дня и бессонную полубезумную ночь.

На полу все еще валялись листки из альбома со следами моих размышлений. И даже сейчас они показались мне смешными, следовательно, какое-то рациональное зерно в них было.

И тут раздался требовательный звонок в дверь, эхом прокатившийся по пустой квартире. Я слышала, как Гуля открывает дверь и с кем-то полупшепотом говорит. Исписанные бумажки, валявшиеся на полу, лезли мне в глаза, но я даже не могла пошевелиться, чтобы собрать их. Обливаясь потом, я накрылась одеялом с головой и, оцепенев, ждала, когда наконец они откроют дверь и войдут в комнату.

Ну все. Вот и сказочке конец, а кто слушал – молодец.

Конечно же, они нашли мои старые записные книжки – да мало ли чего они там нашли... И вычислили людей, к которым я могу податься, – их не так уж много, этих людей... Нужно же было быть такой дурой, чтобы остаться здесь... И хорошо, если это доблестная милиция. А если нет?

Я зажала зубами уголок подушки, чтобы не закричать.

Ладно, чего ждете, пора и честь знать.

Но секунды складывались в минуты, а никто не входил. Просто ждать дальше было невозможно.

Я быстро оделась и отправилась на кухню, никого так и не встретив по дороге.

Гуля сидела в кресле-качалке и читала Кортасара.

– Хорошая вещь, – облизывая пересохшие губы, выдавила из себя я, – доброе утро.

– Прелестная, – не поднимая головы, ответила Гуля, – особенно «Игра в классики».

– Да нет, я о кресле. В нем можно спокойно умереть. Сколько стоит?

– Не знаю. Это Кал Калыч привез, наш банановый король. Как спала?

– Божественно, – честно призналась я, – а кто приходил?

Независимей, независимей нужно задавать такие вопросы. Наука тебе на будущее.

– Да нянька за деньгами заезжала. Говорит, кончились у них. Сама, должно быть, их и профукала в преферанс.

– И дала?

– Дала, а что делать. Сообрази чего-нибудь пожрать, если хочешь. Мы уже позавтракали. «Мы» относилось к ней и малышу.

Есть мне не хотелось, я согрела себе чаю и, обжигаясь, быстро выпила его.

– Неважно ты выглядишь при свете дня, – заметила честная Гуля.

– Не всем же на подиумах блистать. Как твои мужья-то поживают? – впрямую спросить о Леве я не решилась.

– Пес их знает. Деньги исправно подгоняют и не докучают лишний раз. Это самое главное.

– Забавные у вас отношения... Особенно этот мне нравился, Лева, кажется... Он-то как?

– Лейкинд, что ли? Живет, что ему сделается. Вот в прошлый раз фаршированную щуку притаранил. Я ее нянькам скормила. Он в Штаты собирается на ПМЖ. Вроде работу ему предлагают. Может, уехал уже. Он ведь у нас такой – жидочек смирный, не худой, не жирный.

Я с трудом подавила возглас разочарования. Так все относительно хорошо просчитать и так бездарно провалиться. Но, может быть, я еще успею. Может быть...

– Никого из наших не видишь? – Мне нужно было уезжать, но уехать вот так, сразу, мне показалось невежливым.

– Да кого я здесь на хуторе увижу? Разве что ты заедешь на ночь глядя. И то наверняка случайно в наших пенатах оказалась. Хотя заезжал тут осенью этот... Туманов, что ли... Володька. Сняться мне предлагал для обложки какого-то его сумасшедшего журнала. В обнаженном виде. И это на девятом-то месяце.

– А ты?

– Да послала его. Чаем напоила и послала, хоть он и упирался рогами, говорил, что снимок будет потрясающий, а-ля Деми Мур. А машина у него шикарная.

– Красный «Форд»? – машинально сказала я.

– Ну, насчет «Форда» не знаю, но красная – точно. Цвет боя быков, солидная штучка.

Значит, запись в телефонной книжке Нимотси действительно касалась встречи с Тумановым, но сейчас мне не хотелось с этим разбираться. Как бы невзначай я повернула голову и посмотрела на часы, висящие над плитой. Часы были забавные, циферблат расписан под Гжель – и мне на секунду захотелось иметь в кухне такие же. Славно они будут смотреться под деревянной полкой с...

Я тут же одернула себя – какая полка, какие часы? У тебя теперь и кухни-то нет. И неизвестно, когда появится. И появится ли вообще...

– Твои часы правильно идут?

– Правильно, что им сделается. Симпатичная вещичка, да? У меня еще к ним набор тарелок есть и копилка. Валик привез, наш банкир, наш рождественский вклад.

– Начало первого! Мне пора, Гулька. У меня встреча в два, в Доме кино.

– Ну, давай, – Гуля не выразила по поводу моего отъезда ни сожаления, ни радости. – Заезжай, если вдруг поблизости от нашей глуши окажешься. Я понимаю – целенаправленно ехать – много чести однокурснице твоей Гузель. Но если рожать надумаешь – тогда уж непременно – у нас тут колясок и одежды на батальон, ну и прочих сопутствующих товаров. Лучше двойню.

– Насчет двойни я подумаю. И обязательно как-нибудь заеду, – я даже не знала, увижу ли я Гулю еще когда-нибудь.

Мы церемонно расцеловались, я забрала вещи и уехала.

До вечера я околачивалась по Москве, пугаясь любого появления в зоне видимости людей в форме. Иногда мне казалось, что за мной кто-то следит, и тогда я понимала фатальную манию преследования, которой был заражен Нимотси... Детский страх был смешон, но справиться с собой я не могла.

Если так и дальше пойдет, то ты умрешь от разрыва сердца из-за какого-нибудь пустяка, как волнистый попугайчик.

...К вечеру я наконец добралась до проспекта Вернадского.

Я прекрасно помнила дом и квартиру Лейкинда, но дала себе еще полчаса в полутемном подъезде: чтобы собраться с мыслями и нащупать непринужденную линию поведения. Возможно, он уже уехал, а если не уехал – то околачивается на работе, а если не на работе, то двинул в ресторан, а если не в ресторан – то развлекается с очередной любовницей...

И, когда желание не идти к Лева достигло наивысшей точки, я решительно поднялась по лестнице на третий этаж и нажала кнопку звонка.

Лева открыл не сразу – уже тогда, когда я, облегченно вздохнув, собралась уходить.

Он поддерживал джинсы руками – ремень был расстегнут – и держал под мышкой мятую газету: Лева был фанатом прессы и, как рассказывала Гуля, читал все – от солидных изданий до последних бульварных газетенок.

– Привет! – как ни в чем не бывало сказала я, собрав остатки непринужденности: видимо, год, проведенный в одной упряжке с Венькой, хоть чему-то научил меня. – Узнаешь?

Я была слишком занята собой, чтобы обратить внимание на его первую реакцию, а стоило бы: он, несомненно, сразу же узнал меня – но это не было ленивым запоздалым узнаванием ползнакомой женщины, встречавшейся ему на вечеринках. В зрачках его промелькнул страх, который был неясен мне так, что я тотчас же постаралась не заметить его. Впрочем, страх тотчас же исчез, уступив место настороженности. Он стоял в дверях, склонив голову, и, сощурился, смотрел на меня.

– Что-то не так? – удивляясь сама себе, развязно спросила я.

– Немыслимо! – осторожно, подбирая слова, сказал он. – Какой идиот надоумил тебя выкраситься в рыжий? Морщины поперли, неужели не видно? Ты ведь как-никак уже не Лолита, девочка моя!

– Может быть,пустишь?

Лева молча посторонился, пропустил меня в квартиру и запер дверь.

В квартире ничего не изменилось за те полгода, которые я в ней не была, – та же блеклая афиша Тулуз-Лотрека в прихожей, тот же устойчивый запах маринованного чеснока.

– Ну-с, я тебя слушаю, – настороженность переключалась из глаз в интонацию, стала не так заметна, но не исчезла совсем.

– Кофе не угостишь?

– Нет, – он справился с собой и стал похож на прежнего Лева с бестолковой, наполненной флюидами запретного секса вечеринки. – Кофе не угощу, потому что нет его. А вот пиво есть. Баночное.

– Валяй баночное.

Мы расположились на кухне, в полном молчании откупорили банки с пивом и сделали по первому глотку.

– И что? – спросил Лева.

– Я к тебе по деликатному поводу.

Он молчал, сосредоточенно разделявая руками обветрившийся кусок красной рыбы.

– Вот, созрела. Решила довериться Родену, он же Микеланджело.

– В смысле?

– В клиентки к тебе набиваюсь, – а теперь нужно сработать точно: немного девичьего отчаяния, сдобренного самоиронией, это действует на таких вот циничных мужиков. – Личико подретушировать.

– Э-э... – Лева откинулся, уперся спиной в холодильник и начал внимательно и бесстрашно рассматривать меня, – это ты опоздала. Я уже не практикую, лавочку закрыл. После завтра улетаю из этой богом проклятой страны. Навсегда. На историческую родину мыльниц, папильоток и картофеля фри.

– И ничего нельзя сделать, – я даже забыла поставить вопрос в финале, вот все и разрушилось, и славу богу, черт знает куда тебя могло занести с этими твоими выкладками.

– Ничего, – Лева выждал паузу, – или почти ничего.

– Лева, ты меня без ножа режешь!

– Без ножа резать невозможно. Так что филиппинские хилеры – это сплошное шарлатанство. Но... – Лева поднял палец.

– Да, Лева! Меня интересует это «но».

– Слушай... А что это тебе вдруг взбрело в голову? Столько лет с одним и тем же лицом... Привыкла, поди?

– Я заплачу. Только срочно и кардинально.

– «Срочно» обычно стоит дороже. И наличными, – осторожно сказал Лева, он как будто переходил реку вброд, по камням и страшно боялся оступиться.

– Сколько?

– О, вот это уже разговор не мальчика, но девочки, – хмыкнул Лева, – это в зависимости от того, что ты собираешься менять в своем личике.

– Личико, – твердо сказала я – теперь мы были на равных, разговор благополучно скатился на деловую колею, никакого флирта, товар – деньги – товар.

– Интригующая срочность, – задумчиво сказал Лева.

– Я влюбилась, – сказала я, – а с моей внешностью ловить нечего. Вот если бы скорректировать, если бы подправить... Ровно настолько, чтобы он не отказался хотя бы выпить со мной пива.

– Ну, в любом случае – срочно не получится, – теперь в его взгляде появилось что-то новое, он как будто уличил меня во лжи и оставил это при себе, – месяцев пять как минимум. Ну, четыре. А за это время твой хахаль женится на мисс Волоколамск.

– Это будут мои проблемы, – деньги в рюкзаке придавали мне уверенность. Я видела, что Лева зацепился, еще бы: он уезжал в Штаты, и деньги ему никак не могли помешать.

– Хорошо. Я взял бы пять тысяч. Зеленых.

Я облегченно вздохнула.

– Пять тысяч. Если бы делал сам. Но делать буду не я, уезжаю, уж ты извини... Делать будет мой приятель, отличный пластик. У него и лаборатория своя, все очень интимно. И конфиденциально. И на очень высоком уровне. Так что восемь тысяч. Это не сильно опустошит твой кошелек?

– Нет.

– Остановимся на этой цифре. А теперь пошел за водкой.

– За водкой?

– А как же! Надо же вспрыснуть сделку. Ты не против?

– Тебя спонсировать?

– Да не стоит. Я ведь теперь обогатился на энное количество зеленых. Кстати, мужик отличный, этот мой приятель, специалист экстра-класса. Тебе повезло.

...Водка была дорогой – Лева не пожалел денег.

Первую рюмку мы выпили, не чокаясь, – Лева отстранил рукой мою руку и сказал:

– За усопших – в тишине. Спи спокойно, дорогая Мышь!

Я вздрогнула, краска бросилась мне в лицо, круги поплыли перед глазами.

– Нехорошо? – участливо спросил Лева. – Прости, пошутил неудачно. Прежняя Мышь скидывает шкурку и умирает. Появляется новая. По-моему, символично. Ты не находишь?

– Нет.

– Ладно, пойду позвоню Владу. А ты можешь газетки пока почитать – я там свеженькую принес, как раз в твоём стиле. На четвертой странице. Очень любопытно.

Лева вышел из кухни.

Несколько минут я сидела, тупо уставившись в окно, – в комнате было слышно попискивание телефона, – Лева набирал номер. Спустя несколько секунд он что-то забубнил в трубку.

Чтобы не слышать этого, я машинально взяла принесенную Левою газету и открыла ее на четвертой странице, забитой криминальной хроникой.

Я пробежала заголовки, один гнуснее другого: «Убийство инкассатора», «Раздели старуху», «Утюг как движущая сила бытовухи», «Трагедия на улице Коненкова».

«Трагедия на улице Коненкова».

Это был скабрезный подхихикивающий стиль, который вот уже несколько лет был в ходу у криминальных писак. Я прочла раз, потом другой, пока отдельные фразы не слились в общую картину.

Заметка выглядела так: «Вчера днем произошла кровавая драма на улице Коненкова. Молодая женщина расстреляла своего сожителя из пистолета, а потом выбросилась из окна девятого этажа. Неизвестно, что послужило причиной ссоры. Возможно, не последнюю роль в этом довольно тривиальном для нашего времени деле сыграли наркотики, которые были найдены на месте происшествия. Пикантная деталь: следствием установлена личность незадачливой убийцы – ею оказалась сценаристка К., уже довольно продолжительное время сочиняющая кровавые истории для отечественного малобюджетного видео. Так, она являлась одним из авторов известного криминального боевика «Плющиха». Возможно, именно это обстоятельство и явилось роковым для заигравшейся сценаристки. В жизни, в отличие от кино, кровь настоящая, и все заканчивается куда менее романтично, о чем нам хочется предупредить всех почитателей Квентина Тарантино и ломовых боевиков в стиле «Леона-Киллера». Помните: патроны не всегда бывают холостыми, а ружье в третьем акте обязательно выстрелит. Так что переходите на мелодрамы, это менее опасно для жизни».

– Мне тоже не понравился этот твой фильм. «Плющиха», надо же, полное дерьмо!

Я вздрогнула и затравленно оглянулась. Лева стоял на пороге кухни, скрестив руки на груди.

– А вообще, ты сегодня звезда. Про тебя еще в двух газетенках. Наверное, и по Ти-Ви, но я Ти-Ви не смотрю... Но я рад, что ты осталась жива.

– В каком смысле? – выдавила из себя я, мой голос показался мне чужим и далеким.

– В самом примитивном, биологическом... Воды?

– Обойдусь.

– Слушай, мне совершенно безразлично, что произошло. Я этого не знаю и знать не хочу. Но, надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

В полном молчании я налила стакан водки и выпила его, не закусывая.

– Э-э, мать, так ты сопьешься, – Лева мягко отобрал у меня стакан. – А у нас завтра с утра биохимический анализ крови. С Владом я договорился. Так что завтра во второй половине дня поступаешь в его полное распоряжение. Благодарю бога, что есть еще такие люди в советской стране.

Я встала и на нетвердых ногах вышла в коридор – мой рюкзак сиротливо лежал под вешалкой. Я развязывала шнурок, прислонившись лбом к старым пыльным обоям. Шнурок не поддавался, и тогда я начала рвать его зубами.

Еще не поздно все остановить – открыть дверь и уйти по-английски. Сдаться первому же милиционерскому патрулю...

Наконец шнурок распустился. Я достала аккуратно сложенные в банке пачки долларов и вернулась на кухню.

– Это что? – заинтересованно спросил Лева.

– Благодарю бога, – я пододвинула деньги Лева.

Лева окинул их хозяйским глазом, потеревил подбородок и вкрадчиво произнес:

– Забыл тебе сказать... Сумма увеличивается еще на две тысячи. Это такое. Надбавка за риск. Согласна?

Я молча встала, вытащила из рюкзака еще несколько пачек и швырнула их через стол Лева.

* * *

... Коллодийная повязка – вот как это называлось.

Белый посмертный слепок, похоронивший под собой бывшее лицо. Кокон для будущего лица.

«Ничего страшного, – сказал Влад, спокойно-ироничный, как господь бог накануне первого дня творения, – считай, что это просто гипс. Но лучше – фиксирует жестко и при этом думать не мешает. Подумать-то есть о чем?»

Думать – сейчас мне хотелось этого меньше всего.

Я лежала на абсолютно стерильной койке, в маленькой комнатке рядом с операционной на даче Влада. Меня привез сюда Лева вместе с анализами крови и тремя снимками – профиль, анфас, проекция снизу. Снимки были еще влажными.

– Если убрать последний, – развязно пошутил Лева, – фотографам из правоохранительных органов будет меньше работы... Впрочем, все это меня не касается.

Слишком часто он об этом говорил...

Дача Влада была ничем не примечательным стандартным особнячком в ряду таких же особнячков где-то на задворках Крюкова.

У двухэтажного кирпичного дома Лева нетерпеливо посигналил, и ворота автоматически открылись. Мы мягко въехали на территорию, сопровождаемые настороженным птичьим глазом видеокамеры.

Влад уже ждал нас на крыльце – жесткий, поджарый, подзадержавшийся в районе тридцати пяти.

Мужчины молча пожали друг другу руки. Влад взял снимки и углубился в них, насвистывая какой-то легкомысленный мотивчик.

– Это она, – представил меня Лева, – привез, так сказать, ману проприя¹.

– Манус манум лават², – меланхолично ответил Влад, равнодушно скользя по мне взглядом, – идемте.

¹ Собственноручно (лат.).

² Рука руку моет (лат.).

– Что он сказал? – шепотом спросила я у Левы, когда мы поднимались на второй этаж.
– Мойте руки перед едой. Помешан на чистоте, а так – прекрасный парень.
... Маленькая комната на втором этаже оказалась настоящей операционной. Стерильная чистота, новенькое оборудование, в углу, у окна, – компьютер.
Некоторое время Влад внимательно изучал снимки и результаты анализов.
– Отличная кровь, с такой только в космос запускать, не глядя... Менструации нет? – наконец спросил он у меня.
– Нет, – страшно покраснев, проямлила я.
– Ну, тогда сегодня и приступим. Сассистируешь? – насмешливо обратился он к Лева.
– Увы! – Лева развел руками. – Сдал дела.
– Не сомневался, потому и Витьку вызвал, – Влад пожевал тонкими губами, – а мог бы... Мог бы отработать, старый ленивец! Экс унгве леонем!³
... На мониторе возникло лицо. Мое лицо.
– Ну, будем подбирать новый фасад. Не возражаешь? – вопрос был адресован мне.
И спустя секунду рядом с моим стилизованным лицом появились контуры никому не принадлежащей человеческой маски.
Несколько минут рассеянно менялись губы, глаза, нос, очертания скул.
– Ну как? – спросил Влад. – Такое подойдет?
Я молчала. Мне было решительно все равно.
– Мне все равно.
– Господи, кого ты мне привез? – Влад впервые заинтересованно посмотрел на меня. – Поразительное равнодушие к собственной судьбе!
– Влад, дай девочке шанс, – вступился за меня Лева, – пусть выйдет замуж за аргентинского мучачо и будет счастлива.
Комбинации изменились еще несколько раз.
– Вот это годится! – наконец изрек Влад. – Аурэа мэдиократос⁴. Не вызывающе, но с изюминкой. Дикси⁵.
– Ну что ж, – согласился Лева, – в этом чувствуется неплохо прожитая жизнь. Ты как думаешь, девочка моя?
... Теперь на мониторе было женское лицо, которое, возможно, воплотится во мне. Но сейчас оно ничего не говорило, оно было далеко от меня: краешки век, чуть приподнятые к вискам – кто-то из далеких предков компьютерного лица согрешил с тонкокостными тайцами; чувственные губы, чуть припухшие, – кто-то из далеких предков компьютерного лица согрешил с лоснящимися мулатами; нос – нос прапраправнучки древней римлянки, изнасилованной гуннами... У этого лица было много предков, и все они грешили, грешили, грешили.
Но и я была не без греха – значит, мы обязаны были поладить.
– Я согласна, – сказала я.
– Влад гений, чертяга! – расчувствовался Лева. – За мизерную сумму сделает тебя Нефертити по случаю. И грудь заодно подправит. Так что, когда будешь выходить замуж за миллионера, пришли ему корзину роз.
– Лучше ящик водки, – флегматично протянул Влад, – если жива останешься. Три-четыре процента обычно идут в расход после операции. А перед этим записки пишут – мы, мол, не в претензии...

³ Видна птичка по полету (*лат.*).

⁴ Золотая середина (*лат.*).

⁵ Я сказал (*лат.*).

– Ну что ты человека пугаешь? – Лева незаметно взял на себя функции моего опекуна, доброго дядюшки забитой старой девы. – Мы-то уж точно в счастливых девяносто шести процентах!

– Дум спиро спэро!⁶ – веселился Влад. – Наркоз переносишь?

Первую и последнюю операцию мне делали в шесть лет – вырезали аппендицит – только и всего, так что ничего вразумительного по этому поводу я сказать не могла.

– Вобьете колипсольчик, – инструктировал Лева, – от колипсола еще никто не умирал.

– Магистэр диксит⁷, – сыронизировал тонкогубый хирург, который все больше и больше нравился мне, – не пора ли тебе улетать, друг мой?

– Пора, пора! – Лева облегченно вздохнул и заулыбался. – Оставляю тебя в этих жестких лапах и надеюсь увидеть в следующей жизни процветающим манговым деревом... А то людей она не очень-то балует! Дай-ка посмотрю в это твое лицо последний раз. И, может быть, на следующем твоём лице опрометчиво женюсь... Ты, кстати, за границу не собираешься? А впрочем, все это меня не касается...

Влад проводил меня в маленькую комнатку, где были только застеленная кровать и телевизор.

На кровати лежал пульт от телевизора, окна были плотно прикрыты жалюзи.

– Туалет и ванная рядом. Отдыхай пока, – не очень-то он был разговорчив.

...Когда через десять минут в дверь заглянул Лева, я все еще растерянно стояла посреди комнаты.

Лева поболтал в воздухе связкой ключей, прежде чем протянуть ее мне.

– Последний благородный жест! – провозгласил он. – После операции месячишко поживи в моей квартире... Пока повязки снимут и можно будет безболезненно выходить на улицу. Больше не могу, извини. Квартира продается, в июле родственники приезжают из Овидиополя, чтобы ее с рук сбыть. Я со старухой договорюсь, с первого этажа, Софья Николаевна зовут. Присмотрит за тобой, продукты будет носить.

Я молчала, и Лева забеспокоился.

– Старуха кремень, бывшая троцкистка и правая оппортунистка, не подкачает. Скажу, что ты моя родственница, она их уйму перевидала... За продукты придется платить, но у тебя деньги есть, надеюсь. Влад тебя отвезет в город. Ну, вроде все сказал. Удачи тебе.

– И тебе.

...А потом была операция.

Влад пришел за мной, тихой и чисто вымытой, когда я смотрела в щелочку окна, приподняв жалюзи. За окном была летняя ленивая жизнь, девочка из соседнего дома каталась на велосипеде по аккуратно выложенным каменным дорожкам участка. Бил крошечный фонтанчик, чисто вымытые обкатанные камни у его основания блестели, ни разу не виданные мною цветы складывались в причудливый геометрический узор – должно быть, владелец соседнего дома, преуспевающий отец девочки на велосипеде, на совесть проштудировал фотоальбом «Ландшафты Японии»...

– Ну что, идем на заклятие? – весело спросил Влад.

– Да. Я готова. Через пять минут.

– Хорошо, пять минут, не больше. Жду тебя в операционной.

Влад ушел.

Я еще раз бросила взгляд на фонтанчик и камни, а потом вернулась в ванную, чтобы посмотреть на себя в зеркало.

Последний раз.

⁶ Пока дышу – надеюсь (*лат.*).

⁷ Так сказал учитель (*лат.*).

Мне вдруг стало жаль моего лица, ведь я расставалась с ним навсегда и не знала, буду ли счастливее с новым... Я провела кончиками пальцев по губам – их целовали и Иван, и Нимотси, но теперь их нет в живых. Веньки тоже нет в живых, а ей нравились мои глаза – нравились настолько, что она решила сделать себе такие же. Всего лишь уловка, чтобы обмануть данную тебе судьбу.

Но разве ты не делаешь то же самое?

Я вдруг почувствовала, что вся прошлая жизнь выходит из меня, стремительно исчезает, как вода в воронке. Я еще не знала, какой я буду, но прежней я не буду никогда. И не проживу жизнь, которую должна была прожить.

«Зато будет другая, только не бойся ее», – посоветовал Иван.

«И мужиков не бойся, пусть сами тебя боятся», – добавил Нимотси.

«А по-моему, здорово! – сказала Венька. – Тебя не узнают те, кто знал тебя раньше, зато узнают все остальные...»

Я прикрыла глаза в знак согласия и вышла.

...Они уложились в шесть часов – стандартное время для смены образа. Я провалилась в вату наркоза под латынь Влада и сокрушенные стенания его анестезиолога Витеньки о том, что нитка «шесть нолей» стала просто омерзительной, и проще прошивать любителей «дольче вита» сапожной дратвой для остроты ощущений, если уж красота требует жертв.

Вхождение в наркоз было мягким, сердце упало, как это бывает в воздушных ямах; мимо пронесся нестрашный мертвый Иван на каменных плитах; нестрашный мертвый Нимотси, залитый кровью; нестрашная Венька на асфальте, лицом вниз – их смерть протягивала мне участливую руку, она была мила и предупредительна, она приглашала зайти, раз уж ты очутилась поблизости от ее ограды, увитой диким плющом...

Через шесть часов все было кончено.

Я же полностью пришла в себя лишь через сутки, погребенная под маской.

Коллодийная повязка – вот как это называлось.

Голова немного кружилась, я не ощущала собственного тела, я лежала и прислушивалась к себе. Ничего не изменилось, все прежние страхи вернулись ко мне с новой силой – я тихонько застонала. Ты одна, ты совсем одна, даже твое лицо изменило тебе, сколько же сюрпризов оно еще преподнесет, бог знает... И что делать с этим новым лицом?

У разведчика, десятилетиями пасущегося в чужой стране, несомненно, были преимущества – у него была легенда, у него была резидентура, у него была ампула с ядом, вправленная в зуб мудрости. У меня же не было ни легенды, ни имени для легенды, я была уязвима. Я была настолько уязвима, что призвала свои голоса и несколько минут лежала, сжавшись в комок, неистово, как Жанна д'Арк, ожидая их.

И они пришли, в привычной последовательности, собрались на совет, перед которым стояла я, готовая принять любое их решение – если только они узнают меня.

– Ну, давайте, – подбадривала я их. – Ведь это же я, я... И я жду вас!..

«Выглядишь фигово, – наконец отозвался Иван, – краше в гроб кладут».

«Насчет гроба тебе виднее, – подколот его Нимотси, – а из имен посоветую Анну. Вполне интернационально, легко приживается на любой почве и на любой роже. И будет держать тебя в рамках, чтобы не зарывалась».

«С таким именем только в богадельню. Салфетки крючком вязать, – не согласилась Венька, – никакого куража».

«Я, между прочим, всех своих героинь называл Аннами, – огрызнулся Нимотси. – И ничего, и все были счастливы, даже призы давали. А ты бы уж молчала! Венера, надо же! Звучит просто как дешевый матерок».

«Что-то не относящееся к тебе. Что-то совсем другое, чтобы никому в голову не пришло вспоминать тебя прежнюю... Как будто до тебя не было никого и ничего...»

«Ева! – не выдержала Венька. – Ева, мне нравится!»

«Тоже ничего. И тоже вполне интернационально, – подал голос Нимотси: – Ты как?»

Ева, Ева – буквы запрыгали, как обручи в серсо, я легко поймала их на палочку и произнесла вслух:

– Ева.

Имя отразилось от стерильных стен и вернулось ко мне, легко вошло в меня – как нож в ножны.

В этом имени была правда моей ситуации, я была еще не изгнана из теплого рая моей жизни, я еще не искушала и не искушалась сама; я еще ничего не знала, хотя и покупала исправно яблоки у хохлушки у метро «Аэропорт».

Ева. Пусть будет Ева.

В этом имени была правда моей ситуации, я уже была изгнана из теплого рая моей жизни, и никто не мог защитить меня, кроме этих бесплотных голосов. И в то же время жизнь открывалась для меня впервые, я еще могла родить Каина и Авеля и прожить уйму лет где угодно, так никем и не найденная...

Ева. Пусть будет Ева.

За стеной весело бубнили Создатель с ассистентом, они еще ничего не знали о моем новом рождении. Мне вдруг стало нестерпимо одиноко в моей кровати. И я подумала о том, что на этих простынях уже лежали многие до меня; и некоторые, должно быть, тоже выбирали себе имя, схожее с моим.

«Ева, Ева», – шептала я про себя, но даже это имя не могло защитить меня от будущего, в которое перекочевали все мои проблемы, они ведь никуда не делись... Я была далека от мысли считать дураками доблестных районных следователей и судмедэкспертов, наверняка уже знающих, что погибла не я, и о том, что именно я сняла деньги со счета. Фархад, ловкий криминальный журналист, – вот кто обязательно подаст мяч в игру, он и сам захочет быть нападающим. Но в лучшем случае они проследят меня до Гули, не так-то много у меня знакомых, – но споткнутся на улетевшем в Америку Леве.

Если им вообще придет в голову связать меня слевой.

А если придет?

Или он никому не скажет, этот гордый, замкнутый, безумно влюбленный в двух мертвых девочек узбек? Если только решит сам стать ангелом мщения... Да. Он не скажет, а они не станут настаивать, они ненавидят «висяки», портящие им отчетность, кажется, так это называется?..

Тебе просто нужно быть готовой, тебе нужно действовать сообразно американской программе «переселения свидетелей», растиражированной в боевиках. Вот только своим ФБР ты будешь сама. Изменить имя, изменить страну и попытаться жить по-другому. Тише воды ниже травы.

Но это потом.

Пусть с тебя снимут все повязки.

Я не знала, сколько сейчас времени, и тогда взяла телевизионный пульт и нажала кнопку. Рябь по всем каналам.

Значит – ночь, а ночью нужно спать, как прилежной девочке Еве. Повернуться на правый бочок и заснуть.

Но спать не хотелось. Я прислушивалась к голосам за стеной. Голоса не переставали бубнить.

Пойду и попрошу чего-нибудь. Водки, красной икры, печени минтая... Невозможно так долго оставаться одной в этой белой комнате, в этой ледяной пустыне, где нет даже следов от саней, где воздух не дрожит от низкого солнца...

«Что за бред ты несешь?» – Я спустила ноги с кровати.

Голова закружилась с новой силой. Но ведь никто не сказал мне, что нужно лежать, лежать, лежать...

По стенке я добралась до двери, открыла ее и вышла в коридор. Мягкий ковер приглушил мои шаги, голоса из-за полуприкрытой двери стали слышны явственнее.

У операционной я все-таки не удержалась, сползла по стене – силы быстро оставили меня, в глазах вертелся узор ковра, похожий на геометрически правильно посаженные цветы, которые я видела накануне.

Сидя на корточках, я собиралась с духом и рассеянно прислушивалась к разговору за дверью.

... – Слушай, а вот этого я видел! По телеку, бежал из колонии и пристрелил двух человек охраны... Ты и его, надо же... Лихо он у тебя получился! С такой рожей теперь только в госструктурах заседать! Эти дискеты дорого стоят! – Я узнала голос Витеньки, жаловавшегося перед операцией на нитки «шесть нолей». – Ты же можешь продать их заинтересованным лицам за бешеные деньги, а? И озолотишься. А лучше по частям. Благородный шантаж, тyani – не хочу, на всю оставшуюся жизнь хватит!

– Думаешь, много осталось? Дурак ты, Витенька, – лениво сказал Влад. – Ну-ка, плесни мне аква витэ⁸, и я объясню тебе, почему ты дурак... Я жив и процветаю только потому, что все они думают, что этих дискет нет и в помине... Что я стираю информацию...

– А почему и вправду не стираешь?

– Потому же, почему и молчу как рыба. Хома сум, хумани нихели а мэ алиэnum путо⁹. Хочется пожить еще, отличная штука жизнь, будь она проклята! Это только в моей ситуации она не стоит и копейки, но за нее можно поторговаться, глядишь, и выгадаю гривенник... Эти дискеты и есть предмет торга.

– А ведь я могу тебя заложить, – пьяненько хихикнул Витенька.

– Не заложить. Меня уберут – тебя поставят на это место как посвященного. А это несладкое место, хуже Голгофы... Любой неверный шаг, и пациент отправляется ад патрэс¹⁰. И уж тогда лихие ребята тебя подметут, будь спокоен. И сляжешь под скромной табличкой хик яцет...¹¹, губошлеп. Устал, устал... Не могу больше. Устал.

– Четыре года с тобой работаю, и четыре года одно и то же! Если устал, то бросай все к чертовой матери.

– И бросить не могу. Только о том и молюсь, чтобы умереть собственной смертью... Но чую, чую – не дадут. Тогда уж всех за собой потяну. Всех, если начнут рыть мой корпус деликт...¹² – Голос Влада стал глуше, поплыл, раскачиваясь, по коридору.

Я осторожно заглянула в дверную щель.

Влад сидел на полу, в окружении пустых бутылок водки и косточек от маслин: здесь же стояли несколько испорченных врачом скальпелем жестяных банок. Я видела его всего – от затылка, избитого ранней сединой, до тонких, почти женских, щиколоток голых ног. Он поджимал подвижные тонкие пальцы, как будто ему было зябко в этом чреве летней ночи.

В комнате было темно, мягкий свет шел только от экрана монитора, на котором застыли два изображения не похожих друг на друга людей. Попискивала легкомысленная электронная музыка, похожая на китайские жизнерадостные гимны времен культурной революции.

Витенька, сломленный спиртным, уже лежал головой на клавиатуре.

⁸ Вода жизни (*лат.*) – здесь водка.

⁹ Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо (*лат.*).

¹⁰ К праотцам (*лат.*).

¹¹ Здесь покоится... (*лат.*).

¹² Состав преступления (*лат.*).

– Ну, хватит игрушку гонять, глаза попортишь, – призвал спящего Витеньку Влад, – или за столько лет не насмотрелся?

Витенька не отзывался.

Влад с трудом поднялся, опрокинув на ходу банку с маслинами, и направился к компьютеру. Затем небрежно сбросил голову своего ассистента с клавиатуры и вытащил дискету.

И повернулся к двери, ко мне.

Я инстинктивно отпрянула, хотя понимала, что видеть меня он не может.

А дальше последовало совсем уж странное: Влад, сопя, отогнул ковер, вынул паркетную половицу и сбросил туда дискету.

– Так-то лучше, – сам себе сказал он, – и нет никакого корпус деликт...

Я осторожно поднялась и направилась к себе в комнату. Мне не нужны были чужие тайны, я не знала, что делать со своими.

Но едва я улеглась в кровать, как дверь комнаты отворилась, и в нее просочился Влад. Стараясь не шуметь, он снова присел на пол, сцепив руки под острыми, нескладными коленями. Я не знала, сколько времени мы пробыли вот так, рядом, в темноте. Я слышала его прерывистое дыхание, а он, должно быть, слышал мое, слишком спокойное, слишком деликатное для сна. И не верил ему.

Иначе зачем ему было спрашивать тихим и неожиданно трезвым голосом:

– Ну что, с возвращением?

– Похоже на то, – я выбрала нейтрально-отстраненный тон.

– Давно не спишь?

– Не знаю. Сейчас день или ночь?

– А какая разница? Прошло двадцать три часа плюс шесть часов на твою сборку и замену элементов... Вот и считай...

Мы помолчали еще.

А потом я бесстрашно спросила, как в детстве, когда мне хотелось поскорее вырасти, как будто это обещало сплошной праздник и короткую независимую стрижку вместо крысиных хвостов:

– А какая я буду?

– Такая же. Такая же, как была, – не сразу ответил Влад. – Не обольщайся на этот счет. Если тебе нравились дожди в начале весны, то и будут нравиться, и глаза увидят то же, что и видели, и гриппом болеть будешь так же. Вот разве что за сиськи тебя кто-нибудь похвалит.

– Это обнадеживает. Кстати, мы даже не познакомились по-настоящему. Меня зовут Ева, – пустила я пробный шар. Имя прозвучало естественно, оно уже было приручено и теперь стояло смирно, подсунув голову под мою ладонь, – Ева.

– Сочувствую, – равнодушно сказал Влад.

– Наверное, я должна поблагодарить вас.

– Можно не утруждаться. Деньги-то заплачены. Ты платишь, я делаю работу. Да-а...

«Фэци квод потуи, мэлиора потэнтэс»...

– Это латынь? Я не знаю латыни.

– Я сделал, что мог, – кто может, пусть сделает лучше.

– Вы всегда изъясняетесь на латыни?

– Нет. Иногда перехожу на французский. Если много выпью.

– А что еще вы делаете, когда много выпьете?

– Иду спать. Вам тоже советую. Еще день отлежитесь, а потом Витенька отвезет вас в Москву. Через три дня снимем швы. И никакой самодеятельности с повязкой, – он помолчал, – Ева. Иначе будете биты.

– А я быстро к нему привыкну, к новому лицу? Не будет никаких затруднений?

– Главное, не оставить его где-нибудь, приняв за чужое, – я не видела его в темноте, только полоска зубов из-за раздвинутых в ухмылке губ – влажно блестящая, – привыкнете, куда денетесь. И не давайте ему свободы, новые лица так и норовят тебя подставить. Держите ухо востро, мой вам совет.

– Спасибо, я учту.

И я вдруг подумала, что мы с ним обращаемся друг к другу на «вы», первое знакомство, недорогой, но респектабельный ресторан, свечи и даже цветы, самое время писать друг другу благоглупости на салфетках.

– Странно, что сейчас вы со мной на «вы». Вчера вы не были так почтительны.

– А я и не почтителен. Просто много выпил.

– Вы женаты, Влад?

– Нет.

– Если все обойдется... Если удастся, я хотела сказать... Можно мне пригласить вас на ужин? Когда-нибудь?.. – Я была под защитой маски, и это позволяло мне нести всякие милые пустяки, от которых я в ужасе бежала бы еще неделю назад – ты становишься кокеткой.

Хорошо, что не кокеткой.

Не очень бы и удалось тебе в этой вратарской маске. Ты бы еще коньки надела и тогда приглашала бы молодого человека в «Славянский базар»...

– Нет. Не стоит приглашать меня на ужин.

– Даже если все образуется как нельзя лучше и я получу именно то лицо, которое вы мне напророчили?

– Тем более нет... Поменять лицо – это все равно что по-крупному солгать. Сжульничать в игре. И чем лучше оно получится, тем изощреннее будет ложь. А начав лгать, уже невозможно будет остановиться.

– Вы забыли что-нибудь добавить по-латыни.

– Тогда пришлось бы вам переводить. А я устал сегодня. Чертовски устал. Но перед тем как уйти, хочу посоветовать вам одну вещь...

– Сугубо медицинскую.

– Нет, о медицине мы будем говорить завтра и на «ты»... Если вы уж выбрали это имя... А вы ведь выбрали это имя?

– Но...

– Держите его в узде, иначе оно черт знает куда вас может завести. И черт знает кто слетится на него, людям нравятся такие имена, они их интригуют. Опасайтесь его.

– Мне есть чего опасаться, кроме имени.

– Вам виднее. Но это только в кино девушкам с таким именем достается самый лучший парень, самая породистая собака, самая свободная страна и хеппи-энд в финале.

– Господи, что вы знаете о кино?

– А вы?

Стоп-стоп, тебя проверяют, закидывают крючок с наживкой из твоей прошлой жизни... А тебя больше не касается твоя прошлая жизнь, с ее пишущей машинкой и уймой сценариев. Но, возможно, тебе наконец-то удастся завести длинные ногти, которые не будут ломаться о жесткую клавиатуру, особенно о клавишу заглавных букв... Ева обязательно отпустит себе длинные ногти. Холеные длинные ногти, если все закончится благополучно.

– Лет пять не была в кинотеатре.

– А я ненавижу кино. Ненавижу, но большинство строит жизнь по его правилам, так что ничего поделать нельзя. Вытаскивают одну-единственную историю и гонят до самого конца. А всем эпизодическим персонажам – либо пуля в голову, либо реплика в массовку. Дерьмово быть эпизодическим персонажем, а?

– Ну... Если это касается твоей собственной жизни – то да.

– И потом все эти дурацкие линии. Они обязательно должны сойтись. А в жизни ни одна из линий не сходится... Вы закрываете глаза, когда целуетесь?

– А надо? – засмеялась я.

– Надо. Джоди Фостер обычно закрывает. И Вивьен Ли закрывала.

– Не очень-то они похожи.

– Совсем не похожи. Спокойной ночи, Ева.

...Я пробыла на даче Влада два дня. Это были скучные два дня с трезвым Владом, появляющимся иногда в сугубо медицинских целях в прорезях моей маски. От нечего делать я стала смотреть телевизор – раньше я ненавидела его, но Еве он вполне мог понравиться, особенно мелодраматические сдублированные французские фильмы с обязательным Владимиром Косма в качестве композитора... И лишь однажды, после трехчасового бесцельного блуждания по каналам, мне удалось подсмотреть, как целуется Джоди Фостер в «Отступнике», так неожиданно похожая на меня в своем внезапном беспорядочном бегстве через всю Америку. Она действительно закрывала глаза, когда целовалась, но ей было с кем целоваться, и этот кто-то, Денис Хоппер, наемный убийца с дурацким саксофоном, любил ее и готов был защищать.

Меня некому было защищать, и пятнадцати тысяч долларов у меня не было, и роли, придуманной десятком бравых голливудских писак, тоже не было.

А спустя два дня ассистент Витенька отвез меня в Москву.

* * *

...Месяц я прожила в запущенной квартире Левы. Месяц и три дня.

За не мытыми, должно быть, с прошлого года окнами созрело обычное московское лето с его пыльной зеленью и короткими, всегда внезапными дождями. Старуха Софья Николаевна оказалась симпатичной и предупредительной, она всегда брала для меня один и тот же творог и подворовывала копейки – всегда тактично и с извинительной улыбкой.

Она ни о чем меня не спрашивала и научила играть в бильярд; в ее большой комнате стоял бильярдный стол, оставшийся от мужа, расстрелянного в конце тридцатых. Он был по совместительству и обеденным, зеленое сукно было закапано жиром и лоснилось, а на костяных шарах стерлись номера – но это был настоящий бильярд! В игре эта рождественская трюк-кистка оказалась сущим дьяволом. Ставки были по-старушечьи маленькими, «на монпансье», но деньги начали таять – и тогда я взмолилась об игре без ставок.

Старуха согласилась и даже научила меня нескольким приемам с еще дореволюционной историей – настоящий русский бильярд, не какой-нибудь вшивый американский! Мы катали шары целыми днями, а вечерами и ночами я оставалась одна. Заключение, как моллюск, в створки своей раковины-маски, я вдруг обостренно начала чувствовать запахи – прибитой дождем пыли, фаршированных перцев, дорогих духов и пота, причудливо смешанных и поднимающихся облаком кверху.

Я еще не видела своего лица, но уже кое-что придумала для своей девочки, для Евы. Я оставила ей южное происхождение, так или иначе прорывающееся иногда в мягком акценте, – вот только сместила географические координаты ее рождения. В ее жизни было чуть больше моря, чем у меня, чуть больше солнечных дней в конце октября и намного больше мужчин. Мужчины всегда были моим слабым местом.

Впрочем, справедливости ради, – слабым местом было и все остальное, но начать я решила с голоса.

Только мой голос мог выдать меня – мой всегда монотонно-тихий, извиняющийся голос, испуганно реагирующий на любое обращение. Такого голоса не могло быть у Евы, обожающей Жака Превера и французские качественные мелодрамы с умными и всегда ускользающими

диалогами. Часами я варьировала тембр, пока не остановилась на одном, уж никак не могущем вызвать подозрений и страшно далеко от меня, прежней.

Это был низкий голос – низкий, но без вульгарности ресторанных певичек. Такой голос знает себе цену, он не позволит ущипнуть себя за задницу – разве что бокал шампанского за ваш счет и больше никаких вольностей.

Я записывала возможные варианты этого голоса на Левин старенький магнитофон, забытый под кроватью в спальне, и гоняла его до одури, повторяя свой новый голос, вдавливая его до автоматизма, – и это было похоже на лингафонные курсы. С той лишь разницей, что я приучала себя даже думать этим голосом.

Когда новый тембр прочно укрепился в моем сознании, я приступила к его расцветке. Он должен быть немного усталым, потому что женщина интересна только своим прошлым, в котором может наврать с три короба; он должен быть чувственным (боже мой! Это бесстыдное искушающее имя Ева подвигло меня на эти подвиги – прав был Влад!); он должен был раздеть кого угодно и сам раздеться; но в нем должны иногда прорываться интонации маленькой девочки, страдающей лейкемией, – чтобы его хотелось защитить, прижать к груди и уже не отпускать.

«Ну, ты даешь, мать! – всплыл Иван, когда тренировки были закончены. – Не вовремя я умер!»

«Точно-точно! – поддержал Ивана Нимотси. – Не будь идиоткой, устраивайся на секс-телефон! Через неделю получишь звание ударника труда и уйму денег. Мужики будут к тебе в очередь стоять, даже из Ханты-Мансийска приедут по этому случаю, помяни мое слово!»

«Здорово получается... Ева», – скромно похвалила меня Венька.

...Маску сняли через двенадцать дней вместе со швами на груди.

Я снова была на даче Влада, в его операционной.

– Ну, посмотрим, что получилось! – Влад легко снял маску, она осталась в его руках, а в мое освобожденное беззащитное лицо впились иглы вполне безобидного, но уже основательно подзабытого воздуха.

– Надеюсь, все в порядке, доктор? – сказала я своим новым голосом, навсегда поселившимся во мне.

Влад оторопел, даже маска чуть не вывалилась из его рук.

– Ну, ты даешь! – наконец сказал он. – Это имя тебя к рукам прибирает, точно!.. «Мирабил дикту»!

– В общих чертах я поняла. И, заметьте, даже не спрашиваю у вас перевода.

Влад аккуратно взял меня за подбородок, приподнял лицо, внимательно осмотрел.

– Жалкое зрелище, да? Сплошной кровоподтек, как после боев без правил? – Я чувствовала свое голое вспухшее лицо, ничем не защищенное и еще не готовое сражаться и побеждать.

– Прекрасно, прекрасно, – промычал Влад, – прекрасное лицо. Все должно быть в порядке. Витенька будет приезжать к тебе, менять повязки. Еще дней пятнадцать, пока не сойдут кровоподтеки. Выпишу тебе направление на электрофорез, это необходимо. И некоторые другие вещи.

– Витенька? А почему Витенька? Вы ведь лечащий врач, – как черт из табакерки выскочил мой новый голос и обиженно закусил губу в конце предложения.

– Я всего лишь эпизодический персонаж, – Влад заговорщицки подмигнул мне, – ладно, приступим к груди.

– У меня никогда не было такого шикарного бюста! Еще раз спасибо, доктор!

– Шикарная грудь – это еще не все. Главное – уметь ею хорошо распорядиться... Дискомфорт не чувствуешь? Вообще, как с чувствительностью? – Влад профессионально безразлично занимался моей грудью.

Это не было болезненным, но оставляло ощущение нереальности происходящего: неужели это я, цинично подправленная человеком, который мне нравится и которому я совершенно безразлична? Я ничего не знала о нем, и он не хотел знать обо мне ничего... Нет, кое-что я все-таки знала: дискета под паркетной половицей, одна из немногих его тайн, связанных с риском. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что он делает криминальные пластические операции, и одно только это заставляет его пить водку и только тогда обращаться к женщинам на «вы»... Но все-таки он был симпатичен мне. Человек, рассматривающий других людей, как бракованный материал, – с точки зрения коррекции носа и иссечения избытков кожи лица; мужчина, набивающий женские груди силиконовыми и полиуретановыми валиками вместо того, чтобы целовать их.

Бедняжка.

Я впервые поймала себя на мысли, что это слово относится к кому-то другому, не ко мне. Конечно, Ева вступила в свои права – загнанной в мышеловку Мыши становилось все меньше; она смиренно сидела лишь в складках лицевых кровоподтеков, но и это скоро пройдет, и тогда ее не останется совсем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.